

Что такое
коммунизм?

Что такое коммунизм?

Engels

2018

Оглавление

Изобретаем «очки-велосипед»	4
Предисловие	6
Основание коммунизма	13
Коммунизм как реальность в общественном производстве	18
Общая (общественная) собственность	26
Необходимый труд и условия для коммунистической деятельности	35
Коммунизм и управление общественной жизнью.....	39
Коммунизм и личность.....	46
Коммунизм и семья.....	48
Коммунизм и общественное сознание.....	51
Заключение	59

Изобретаем «очки-велосипед»

Что такое коммунизм? Откуда он взялся, куда зовёт, кого зовёт? Все эти простые вопросы, как показала История, требуют ответов не раз и навсегда, а каждый раз, когда они возникают. Как сказал сценарист Григорий Горин устами «того самого Мюнхгаузена», «любовь – теорема, которую нужно доказывать каждый день». Вот и у нас так же, только коммунизм-то будет теоремой (теорией даже!) посерьёзнее, глобальнее любви. И надо научиться сперва верно выписывать себе в пункте «дано» для этой теоремы всё подлинно наличное, а не мнимое.

Претензии к самому слову «коммунизм» продиктованы историческим откатом, который произошёл с нашим обществом. Вульгаризация и даже превращение в ругательство этого понятия после распада СССР произошла по причине торжества общественных сил, открыто враждебных коммунизму.

До краха Советского Союза уже началось «замыливание» понятия, и потому некоторые теоретики говорили о необходимости разграничения внутри советской экономики и идеологии, проведения линии водораздела, чтобы не принимать капиталистическое инерционное движение за коммунистическую тенденцию. После – по причине того, что общество было ввергнуто в реставрацию капитализма в условиях почти утраченной традиции коммунистической теоретической мысли, когда вопрос стоял о хоть каком-то её сохранении – проблемы коммунизма и движения к нему специально не исследовались. Все взоры были обращены к расцветающему капитализму. И его сторонники, и его противники говорили о нём, как о чём-то реальном, коммунизм же и движение к нему воспринимались как дела прошлого, или, в случае со сторонниками, такого далёкого будущего, до которого ещё дожить нужно, поэтому важно сосредоточиться над тем, чтобы дожить. Коммунизм как теоретическая проблема на десятилетия перестал существовать.

В массовой культуре, далёкой от теоретического мышления, всегда активно воспроизводилось (и воспроизводится сейчас) сознание правящего класса. Этот класс боится коммунизма и ненавидит его, облекая свои страх и ненависть в форму различных социальных мифов, на которых в постсоветских странах растёт уже второе поколение. Однако мифологизированные представления о коммунизме не имеют ничего общего с *понятием* коммунизма. Тут мы находим первую важнейшую точку «враждебности» (которая на самом деле таковой не является). Граждане стран, которые свалились в капитализм не из-за интервенции, а «своими силами», просто не знают уже, что такое коммунизм подлинный, то есть научный, в чём суть идеи коммунизма. И, тем не менее, проблема коммунизма опять становится перед ними как практическая. И та целостная теория, поспирание и игнорирование которой сыграло не последнюю роль в сползании назад в капитализм в СССР и других странах соцлагеря, нуждается в возрождении и разъяснении «на пальцах» людям, чьи подлинные интересы она выражает. Речь идёт не только о политически индифферентных тружениках-пролетариях, но и о тех, кто сами себя считают коммунистами или хотя бы левыми, - то есть о политически определившихся как симпатизирующие коммунизму. Последние воспринимают коммунизм как некое «хорошее» общественное устройство, трактуя это «хорошее» скорее на уровне чувственных представлений, часто «от противного» - как отсутствие мерзостей и ужасов современного капиталистического общества. Но

положительного ответа на вопрос «что такое коммунизм?» такие его сторонники не могут дать даже себе.

Такое положение дел побуждает именно сейчас создавать эту брошюру как «очки-велосипед», позволяющие снова увидеть коммунизм и понять, что это такое. Что касается противников коммунизма, нужно, как минимум, заставить их выдвигать не глупые, а умные претензии к коммунизму, уже научному.

В год столетия Октября настолько многообразными в публичном пространстве были трактовки роли и поведения большевиков в 1917-м, что мнения, эпитеты, предсказуемо поляризовались: от благородных героев, «спасших государство», до бандитов, это государство (государственность) ненавидевших и уничтоживших. Однако главное при такой поляризации ускользнуло: большевики и, конечно же, Ленин были мыслителями и в своих действиях руководствовались не только желаниями, предпочтениями и т.д., но и теорией, ставшей итогом всего предшествующего развития человеческой мысли. Враги социализма и коммунизма любят называть Октябрь и дальнейшее социалистическое строительство экспериментом, поставленным большевиками над народами... Так вот эти враги – гораздо ближе к истине, чем далёкие от теории друзья.

Именно экспериментом, если конечно не понимать это слово глупо, как внешние манипуляции, была Великая Октябрьская Революция. Ничем другим в силу своей беспрецедентности она и не могла быть. Экспериментом, проведённым по всем научным традициям – ведь не бывает экспериментов без гипотез. И такая гипотеза, разработанная Лениным и его сторонниками и основанная на наследии Маркса и Энгельса, была - Мировая Революция. Начавшись в России, пролетарская революция должна была всколыхнуть индустриально развитые европейские страны, дав толчок для преобразования их во Всемирную республику Советов. Далеко не все научные гипотезы подтверждаются экспериментом в исходной формулировке (несмотря на то, что идея актуальности пролетарских революций в общем остаётся верной и сейчас), однако и это экспериментальное движение по намеченному даже отчасти неподтверждённой гипотезой пути продвигает науку (социализм) вперёд.

Предлагаемая метафора лишь возвращает нас к иному способу видения революции, военного коммунизма, нэпа, индустриализации и так далее, призывает рассматривать современное общество и тенденции его развития через призму коммунизма как важнейшей науки в системе всех общественных наук, необходимых для того, чтобы можно было действовать разумно в современном мире. Чтобы революционный класс мог преодолеть подчинение постоянной эксплуатации, преодолеть в себе угнетённый класс капиталистического общества и встать на собственную классовую позицию, осознать и разумно изменить общественные отношения в сторону уничтожения всякого угнетения и эксплуатации человека человеком, в сторону коммунизма.

Вот почему высмеянные в другом контексте Маяковским «очки-велосипед» теории коммунизма нам помогут только в том случае, если мы наберёмся усидчивости «изобрести» их заново (воспроизвести): пройти Марксов путь к Коммуне и Интернационалу, ленинский теоретический путь к Октябрю, а затем и весь советский путь, не меняя «средств передвижения» - революционной теории. Заново – значит сделать своим наследие науки коммунизма в современных, доставшихся нам, исторических условиях.

Предисловие

Критикуя Готскую программу, Маркс писал:

«Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое развилось на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что выходит как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло»

и

«На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!».

Идее частной собственности и господства капитала противостоит идея коммунизма. Обществу, где господствует капитал, в реальности можно противопоставить только коммунистическое общество. Но что такое коммунизм?

В этой брошюре нас интересует то, что Марксом было названо высшей фазой коммунизма, то есть развитое на своей собственной основе коммунистическое общество, или коммунизм как таковой. Низшая фаза коммунизма, или переходный период от капитализма к коммунизму, за которым позднее исторически закрепилось название «социализм», будет рассмотрена нами позднее. Пока речь идёт о том, к чему именно должен быть этот переход, или о том, что хотят получить коммунисты в результате революционных преобразований общественной жизни.

Нас здесь интересуют те обязательные определения, которые делают общество именно коммунистическим и отличают его от всех предшествующих коммунизму способов производства и осуществления общественной жизни. Поэтому мы оставим в стороне описание технологий при коммунизме. Они могут быть разными (и конечно же будет быстро изменяться). Например, капитализм при господстве парового двигателя и капитализм с современной цифровой техникой, очень сильно отличаются друг от друга. Но то, что делает капитализм капитализмом, обществом развитого товарного производства, где товаром является в том числе и рабочая сила, а капитал - господствующим общественным отношением - характерно, необходимо и неизменно для капитализма вообще, и в XIX, и в XXI веке. Понимание этих необходимых моментов в их необходимой взаимосвязи и составляет понятие капитализма.

Точно так же в понятие коммунизма, как и любого другого предмета, входит только то, что является необходимым и достаточным в своих необходимых взаимопереходах для того, чтобы общество было коммунистическим.

Трудность заключается в том, что мы имеем дело с предметом, ещё не ставшим реальностью. История ещё не знала (по крайней мере, на нашей планете) коммунистического общества, развитого на своём собственном основании (первобытный коммунизм в данном случае к делу не относится).

Однако, коммунизм уже давно стал наукой. Весь ход исторического развития мысли породил идею коммунизма, а ход общественной жизни, как минимум, постоянно показывает предел капитализма и необходимость выхода на новое основание общественного развития. Капиталистические кризисы перепроизводства сопровождаются колоссальным уничтожением не только произведенных товаров или отдельных предприятий, но часто и целых некогда процветающих мегаполисов.

Если рассматривать общественное производство как способ взаимодействия человека с природой, становится очевидно, что он нерационален и наносит нашей планете вред таких масштабов, что это может стать непоправимо. Производство и перепроизводство той же самой упаковки, излишней и бессмысленной с точки зрения разумного взаимодействия с природой, но необходимой для того, чтобы товар был продан - наносит огромный вред. Производство самих товаров, не обогащающих и не развивающих, а часто и калечащих человека, но поглощающих большое количество ресурсов, загрязняющее почву, воду и воздух - вот реальность капитализма. Отсутствие планомерной в масштабах всего общества, продуманной переработки отходов, а также разумного распределения и использования всех природных ресурсов и производственных возможностей. Всё это создаёт угрозу необратимой экологической катастрофы.

Попутно такому рукотворному разрушению окружающей нас природы, идёт деградация человека. Это не только абсолютная нищета, в которую ввергнута существенная часть трудящихся землян: люди голодают, живут в антисанитарных условиях, не имеют доступа к образованию и медицине; но речь также идёт об относительном обнищании, когда производятся новые потребности, удовлетворение которых становится необходимостью даже для того, чтобы воспроизводить себя в качестве продавца собственной рабочей силы, но средств для их удовлетворения недостаточно. Эту тенденцию отмечал ещё Энгельс, но в наши дни, когда капитализм не может жить без целенаправленного производства потребностей, она многократно усиливается и приобретает угрожающие масштабы, особенно на периферии и полупериферии капиталистического Мира, где в общественном масштабе рабочая сила не восстанавливается в полной мере. Это подрывает сами основы капиталистического производства.

Но это ещё не всё. Современный капитал для того, чтобы воспроизводиться в расширенном масштабе возрождает и подчиняет себе докапиталистические способы эксплуатации человека человеком. Рабство и крепостничество в современном мире существуют постольку, поскольку они оказываются выгодными и способствуют самовозрастанию стоимости. Например, по данным МОТ, опубликованным в 2014 году доходы от использования рабского труда во всем мире превышают 150,2 миллиардов долларов (как видите, выгода от рабства исчисляется и может исчисляться чисто по-капиталистически, а не в натуральной форме, как это было в эпоху рабовладения).

Капитал постоянно требует простора для самовозрастания, а для этого ему нужно вытеснить другой капитал из уже имеющихся рынков, перераспределить ресурсы в свою пользу. Это порождает конфликты не только внутри государства, но, главным образом, между ними, что определяет локальные военные действия и ведёт к очередной мировой войне. А когда мы имеем тенденцию (подготовку, развёртывание, отдельные вспышки) мировой войны и ядерное оружие, какие только случайности не возможны!.. При этом сама война даёт мощный толчок развитию широкого, массового, стихийного антикапиталистического движения. Насколько последовательной будет эта линия, и будет ли она вести к реальному выходу за пределы капитализма - сказать пока трудно. Вообще гарантии, что человечество переживёт капитализм, никто сейчас дать не может. Единственное, о чём это свидетельствует, так это о пределе развития общества, где господствует капитал.

То, что капитализму придёт конец, несомненно. Вопрос только в том, закончится ли он вместе с человечеством или человечество научится жить по-другому. И как именно по-другому можно жить, чтобы и человечество в целом и все его многообразные составляющие развивались, не мешая, а помогая друг другу? Научная теория коммунизма даёт ответ на этот, отнюдь не устаревший, а животрепещущий для человечества вопрос.

Основные моменты этой теории мы и попытаемся здесь изложить. Она создавалась Марксом и Энгельсом. Внесли в развитие понимания коммунизма свою лепту и более поздние мыслители-марксисты. Среди них особого внимания заслуживает теоретическая работа Ленина.

Значение терминов «коммунизм» и «социализм» устоялось не сразу. Долгое время они употреблялись как синонимы или коммунизм даже могли понимать как предшествующий социализму. Потому следует наравне обращаться как к работам Маркса и Энгельса, где употребляется термин «коммунизм», так и к тем, где говорится о «социализме», если по сути изложенного ясно, что речь идёт о коммунистическом обществе, о коммунистическом движении или о теории коммунизма. Что же касается Ленина и других марксистов XX века, то в их работах, как и в поздних работах Маркса, терминология уже более-менее устоялась. Ленин в статье «Великий почин» специально напоминает читателям, что «научное различие между социализмом и коммунизмом только то, что первое слово означает первую ступень вырастающего из капитализма нового общества, второе слово — более высокую, дальнейшую ступень его». Там, где мы будем употреблять эти слова без ссылок и особых разъяснений, их следует понимать согласно современному словоупотреблению.

Насчет аргумента против коммунизма, на все лады повторяемого разного рода идейной обслугой современного правящего класса капиталистов, - «коммунизм - это утопия, уже пробовали построить коммунизм, и ничего (или ничего хорошего) из этого не получилось», - на это мы ответим следующее. Да, коммунистическое общество выстроить пока не получилось, но вот сказать, что не получилось ничего хорошего, - это попросту солгать. Успехи социалистического Советского Союза в свое время не могли отрицать даже самые рьяные антикоммунисты, даже в США. Те, кто помнит недавнюю историю XX века, хорошо знают, что направление движения общества к коммунизму позволило подняться на невиданные прежде, при феодализме и капитализме, высоты всем народам, жившим в СССР, причём в

самые кратчайшие сроки. Об этом свидетельствуют как сухие цифры и выкладки, так и до сих пор не превзойденные достижения в области культуры.

Если сравнить первые десятилетия¹ жизни общества, где было движение в сторону коммунизма и тот же самый срок движения «независимых государств» вразброд после распада СССР, мы обнаружим прямую зависимость между движением к коммунизму и развитием всего общества. Это касается не только и не столько промышленности и производства вещей, сколько возможностей для развития человека и человеческих способностей, доступных для широких масс населения.

Уже в 1925-м году в начальных школах училось на 2 250 000 учеников больше, чем в 1913-м. Число учащихся в профтехнических школах выросло вдвое. Из гражданской войны общество село сразу же за парту. Право получать образование было завоёвано для тех, кто до гражданской был обречён на невежество. Вдумайтесь: Советскому Союзу только год, а ему уже есть, что предъявить капиталистическому миру, в котором доминирует сословный принцип в образовании. Хорошее образование в капиталистическом мире было и остаётся недоступным для большинства.

За 20 лет после Октября удалось решить проблему беспризорности, причём лишившимся в ходе Первой Мировой и Гражданской родителей детям давался не просто кров и хлеб – давалось образование, профессии, путёвка в жизнь. В то время как на осколках бывшей единой социалистической страны снова появились беспризорники, причём по большей части родители их живы. Упал и продолжает падать уровень общей образованности населения. Системы образования бывших Советских республик стремятся к соответствию новым социальным реалиям: всё более узкой специализации и углубляющемуся расслоению в образовательных возможностях для детей бедных и богатых. Множество красноречивых свидетельств об этом процессе в России, вы найдёте в фильме Константина Сёмина и Евгения Спицина «Последний звонок».

В СССР программа ликвидации безграмотности (ликбез – с 1920-го) и всеобщего начального обучения (всеобуч – с 1930) смогла решить проблемы начального образования менее чем за двадцать лет – и это в аграрной стране, где до 1917-го года было более 80% безграмотного и малограмотного населения. К 1936-му году в СССР было обучено около 40 млн неграмотных. В 1933–1937 годах только в учтённых школах ликбеза занимались свыше 20 млн неграмотных и около 20 млн малограмотных. По данным переписи 1939 года, грамотность лиц в возрасте от 16 до 50 лет приближалась к 90%. Вот эти самые люди, а не мифические богатыри с крестиками на груди и богом в сердце (на чём настаивал фильм Никиты Михалкова «Цитадель» и другие изделия современной пропагандистской индустрии) и победили мощнейшую, самую современную и оснащённую на тот

¹ Несмотря на то, что движение это начиналось в условиях разрушенной войной, по большей части аграрной страны, находящейся во враждебном окружении, было движением по ещё нехоженому пути и потому осуществлялось с большими проблемами, трудностями и отступлениями и даже трагедиями, о которых мы, коммунисты, не имеем права забывать. И происходило это движение в обществе, с довольно сильными капиталистическими тенденциями, которые нельзя отменить декретом или перешагнуть через них, не уничтожив товарное производство.

момент, военную машину нацистской Германии, на которую к моменту вторжения в СССР работала большая часть европейской индустрии.

Итак, за 20 лет была практически ликвидирована безграмотность, построена сеть мед. учреждений, где каждый имел доступ к медицинской помощи (врачи и учителя появились там, где их до этого никогда не было), появились школы, библиотеки, учреждения культуры, был дан мощный толчок для развития науки, в том числе и благодаря появлению соответствующей инфраструктуры. Строительство коммунизма как приоритетное всестороннее развитие человека (образование, здравоохранение, наука, культура) позволило победить угрожавший всей планете фашизм, а после тяжёлой разрушительной войны - в кратчайшие сроки отстроить страну.

Что же жизнь в годы после развала СССР принесла бывшим советским республикам полное сворачивание коммунистических тенденций в развитии общества?

В одной только Украине после распада СССР по данным Государственного комитета статистики до 2014 года абсолютная убыль населения составила почти 6,5 миллионов человек (до распада прирост был положительным). Этот показатель не учитывает тех, кто «числится» гражданами Украины, но вынужден был покинуть свой дом и поехать на заработки. Это само по себе свидетельствует о колоссальной социальной катастрофе. Конечно, тут вспомнят голод 1932-1933 годов. Массовый голод - всегда страшная трагедия, вне зависимости от её подлинных причин. Но даже по самым антисоветским подсчётам (именно подсчётам, а не безосновательным идеологическим заявлениям) проведенным Институтом демографии НАН Украины, голод на Украине унёс не 7 и не 10, а 3,9 миллиона человеческих жизней. Учитывались не просто потери, а сравнивалось количество населения с прогнозируемым количеством с учётом значительного положительного прироста в годы до и после голода. Если по аналогичной методике рассчитать абсолютные потери населения Украины после развала СССР, то картина будет гораздо страшнее, чем получившаяся в результате вычитания почти 6,5 млн.

В Литве, Латвии и Эстонии также фиксируется значительная депопуляция. В РФ за счёт миграции зафиксирована меньшая убыль населения с 148,6 на 1991 года до 144,3 млн. на 2016.

В Средней Азии, напротив, с 1991 по 2016 год по данным официальной статистики наблюдается прирост населения: в Узбекистане - с 20,95 до 31,85 млн., Казахстане с 16,45 – до 17,8 и Таджикистане с 5,4 до 8,75, однако эти люди в большинстве своём встраиваются в мировую экономику в качестве дешёвой рабочей силы – безмолвных и бесправных наёмных рабов. Например, по данным Федеральной миграционной службы России в феврале 2016 года в РФ официально находились 1.762.364 (1.426.318 мужчин и 336.046 женщин) граждан Узбекистана. В марте 2016 ФМС насчитала 863.426 граждан Таджикистана (706.896 мужчин и 156.530 женщин), 625.161 гражданина Казахстана (372.031 мужчина и 253.130 женщин), 573.097 граждан Кыргызстана (348.892 мужчины и 224.205 женщин) и 24.256 граждан Туркменистана (15.370 мужчин и 8886 женщин). В основном эти люди, находящиеся в России на заработках далеко от своих семей.

Если учесть трудовую миграцию в других направлениях и структуру занятости в самих среднеазиатских республиках, станет ясно, что общее качество жизни и возможность у граждан этих республик найти работу, позволяющую содержать семью, у себя дома стали значительно ниже.

Войны на территории бывшего СССР стали частым и обычным явлением: конфликт Азербайджана и Армении в Нагорном Карабахе (начавшийся ещё в СССР, но, по большому счёту, во время распада), гражданская война в Таджикистане, Приднестровье, две чеченские войны, Грузия и Абхазия, Южная Осетия, Донбасс. И во всех этих войнах люди убивали друг друга, в конечном счёте, в угоду борющимся группировкам капитала, то есть своим собственным эксплуататорам.

Нам могут возразить, что гражданская война, начавшаяся в 1917 году, тоже была кровопролитной и унесла, по различным подсчётам, от 8 до 13 млн жизней со всех сторон. Сюда относятся не только убитые в ходе боевых действий, но и умершие от болезней, голода и террора. Да, это так, ответим мы. И, конечно же, лучше было бы обойтись без войны. Но, во-первых, её развязали не большевики и не пролетариат, а представители старых эксплуататорских классов, не желающих лишаться своего господства. Во-вторых, в этой войне трудящиеся отстаивали свои собственные интересы, а не интересы тех, кто живёт эксплуатацией их труда. В-третьих, эта война была борьбой за возможность осуществить кардинальное преобразование всего общества, а не просто переделом сфер влияния капитала. О Великой Отечественной войне имеет смысл говорить отдельно, так как это было противостоянием фашизму, где Советский народ отстаивал не только свои интересы, но и интересы всего человечества.

Как видите, даже такое простое сравнение первых десятилетий существования СССР и жизни республик после его развала даёт возможность говорить о преимуществах общества, где есть простор для тенденции движения к коммунизму. И это при всём том, что процесс шёл совсем не гладко, и было много того, что уж никак нельзя назвать коммунистическим. Речь идёт о чисто капиталистических процессах и явлениях в социалистическом обществе. Именно о них так много кричат критики СССР, несмотря на то, что эта критика, там, где она вполне справедлива, оказывается самокритикой по отношению к капиталистическому миру.

Тенденция движения к коммунизму в СССР позволила всего через двенадцать лет после унесшей миллионы людских жизней и разрушившей существенную часть страны Великой Отечественной войны запустить первый искусственный спутник Земли. А вскоре и отправить первого человека в космос. Строительство коммунизма позволило разработать в научном плане те идеи, которые для нас в нашем нынешнем состоянии общества, скорее, являются идеями будущего, чем прошлого, так как их реализация не совместима с частной собственностью на средства производства. Список можно продолжать долго и включать в него не только советские достижения, но и достижения других социалистических стран, - возникших как раз на том пути, который виделся Ленину в свете гипотезы победы мировой революции.

Конечно же в этой грандиозной стройке были не только достижения, но и отступления, и провалы. Но, даже если не учитывать сказанного выше, аргумент

«не получилось построить коммунизм, значит, это вообще невозможно и ничего из этого не получится» страдает тем же логическим недостатком, каким страдали заявления противников идей, положенных, например, в основу появления и развития авиации. Противники утверждали, что невозможно построить летательные аппараты тяжелее воздуха. Это всё равно, что заявить: человек или человечество не сможет чему-то научиться только потому, что у него до сих пор это не получилось, хотя попытки были.

Такие нелогичные аргументы не предполагают изучения существа дела и возражений по существу. Поэтому и науки о коммунизме они совершенно не касаются. Неудача первого рывка человечества к коммунизму свидетельствует только о необходимости детального изучения исторического опыта для того, чтобы понять причину этой неудачи, более тщательного изучения условий, которые должны быть достигнуты для перехода к коммунизму. Само существование и состав коммунистического идеала, родившегося как осмысление тенденций и противоречий капиталистического общества, требует этого.

Итак, поскольку коммунизм, кроме всего прочего, стал наукой, приступим к его изучению. Брошюра эта, конечно же, не может претендовать на детальное и развернутое исследование коммунизма. Это, скорее, текст, предназначенный для того, чтобы изложить основные положения науки о коммунизме, разработанные в марксистской теории. Более глубокая и детальная проработка проблемы - дело ближайшего будущего. Мы приглашаем наших читателей присоединиться к этому делу, в том числе и в форме критики нашей работы.

Основание коммунизма

Основанием для капитализма является товарное производство. Всё богатство капиталистического общества выступает как совокупность товаров. Поскольку продукты труда при капитализме неизбежно приобретают товарную форму, товар является «клеточкой капитализма».

Основанием для коммунизма как общественного устройства, в соответствии с материалистическим пониманием истории, также может быть только соответствующий способ производства.

Всё богатство коммунистического общества - универсальность содержания и форм человеческой деятельности. Марксизм вообще видит сущность человека в деятельности по изменению природы (в том числе и своей собственной общественной природы). Трудиться, обрабатывать природный материал, создавать вещи, которых нет в природе - вот что принципиально отличает жизнь человека от жизнедеятельности животного и определяет все остальные отличия. Но до сих пор сам труд в общественном масштабе был несвободным. Все докоммунистические способы производства отличались своей специфической формой несвободы труда. Коммунизм же предполагает полное преодоление этой несвободы. Поэтому его основанием может быть только свободный труд «без нормы и вознаграждения», как «первейшая жизненная потребность» человека.

Простейшая непосредственно-коллективная форма осуществления такого труда (а лучше сказать, такой деятельности, так как за словом «труд» в известной мере сохраняется негативное значение) является той самой «клеточкой» коммунизма, в которой заложено дальнейшее развитие коммунистического общества во всех своих необходимых определениях.

Свободная деятельность и её непосредственно-коллективная форма являются реальностью в наше время точно так же, как реальностью ещё до появления капитализма были товарное производство и товар. И переход к новому общественному строю произойдет, когда свободная деятельность человека станет универсальным отношением, так же, как таковым некогда стал товар. Из пестроты имеющихся на рынке товаров, обладающих различными свойствами, нельзя непосредственно понять, что такое товар и товарное производство. Из разнообразия видов и способов организации коммунистической деятельности в их особенности нельзя понять, что она такое и что такое её непосредственно-коллективная форма. Тем более, что слова могут заслонить суть дела. Непосредственно-коллективная форма свободной деятельности может иметь место даже тогда, когда человек осуществляет её совершенно один. Нужно выделить те определения, которые являются необходимыми для неё.

В непосредственно-коллективной форме свободная деятельность осуществляется по меркам свободы, истины, добра и красоты, а значит и наивысшего человеческого интереса, то есть - это форма самоценной чувственной деятельности. Свободная деятельность обязательно предполагает единство всех трёх компонентов: чувственность, нравственность и мышление, и доведение их до уровня свободы. В процессе такой деятельности осуществляется утверждение человека во всей его полноте вне зависимости от того, что именно делается и что именно (истина, добро или красота) выходит на передний план.

Такая непосредственно-коллективная форма - это всего лишь взятая со стороны формы сама эта деятельность с соответствующим ей содержанием. В обычной речи такую деятельность часто называют социальным творчеством или просто творчеством. Форма является важной, так как развитие осуществляется и выражается в необходимом движении формы. Содержание всегда вызывает к жизни соответствующую форму и осуществляется через неё. Поэтому противоречия содержания схватываются сознанием первоначально как противоречивость формы. В её развёртывании и через её развёртывание (смену форм) в действительности происходит движение содержания. Со стороны формы в деятельности важны такие моменты, как характер связи между людьми, цель, общественное бытие предмета и средств труда.

Непосредственная коллективность в свободной деятельности выражается, в первую очередь, в нацеленности на других людей. В непосредственно-коллективных формах деятельности человек выступает всегда как цель и наивысшая ценность. Всё, что делается, делается непосредственно для развития других людей. Поэтому и продукт такого труда никогда не приобретает самостоятельно-вещную форму (форму товара). Продукт такого труда не может противостоять живым людям как чужая им вещь. Другими словами, эта деятельность направлена на развитие общества и улучшение жизни других людей, осуществляется для них, а потому и для себя, как представителя этого общества. То, что сейчас принято называть материальными ценностями в свободной коммунистической деятельности может служить лишь средством.

Что же касается характера связи между людьми, то её в общем и целом можно определить как товарищество, или, что то же самое, свободная ассоциация.

Этот характер связи указывает также и на средства такой деятельности, так как в свободной ассоциации ни один из участников не может быть средством для осуществления чужой воли и чуждых ему интересов. Даже если кто-то, благодаря своим способностям и умениям, является ведущим в коллективе, остальные не слепо исполняют чужую волю, а сотрудничают в осуществлении общего дела, одинаково важного и нужного для всех его участников.

Характер связи также указывает на общественное бытие средств и предмета коммунистической деятельности. Таким образом, в качестве средства могут выступать только отличные от человека вещи и процессы. Общественная форма бытия средств и предметов труда предполагает их непосредственно-общественное использование. Именно в этом смысле Маркс говорил о переходе от управления людьми к управлению вещами.

Из сказанного выше видно, что такие формы человеческой деятельности лишены какого бы то ни было внешнего как прямого, так и косвенного (вознаграждение за труд) принуждения, поскольку ни процесс, ни результат коммунистической деятельности не является безразличным для того, кто её осуществляет. Человек всякий раз в своём труде заинтересован непосредственно, в отличие от нормальной для современного общества ситуации, когда сама деятельность выступает лишь средством для получения денег.

Конечно же, непосредственная коллективность заключается ещё и в том, что труд любого члена общества опирается на труд других людей, в том, что предмет, средства, и способ труда является продуктом, выработанным другими людьми, а

его собственный труд, в свою очередь, является неотъемлемой частью всего общественного труда и даёт материал для будущей деятельности. Но это характерно для любого труда, осуществляемого в любой общественной форме, а не только для коммунистической деятельности, а потому не касается специфики коммунизма.

Под непосредственно-коллективной формой свободной деятельности мы понимаем объединение людей в процессе деятельности, где целью каждого является развитие всех, а средствами для её достижения выступают вещи и природные процессы, по отношению к которым происходит свободное и равное волеизъявление.

Непосредственно-коллективная форма деятельности — это не просто внешняя общественная форма деятельности, которая может иметь место, а может и не иметь, не затрагивая при этом содержания деятельности, а напротив, - это её содержательная форма. Вне её вообще невозможно осуществление свободной деятельности по меркам истины, добра и красоты.² Движение и метаморфозы такой формы предполагают сохранение вышеозначенных моментов, подобно тому, как в метаморфозах товарной формы продуктов труда всегда сохраняется стоимость (то, что делает товар именно товаром, а не просто продуктом труда).

Что же касается содержания такой деятельности, она - всегда революционна. В этом заключается её противоречие по отношению к самой себе. В свободной коммунистической деятельности постоянно полагается и её внутренний предел, и выход за этот предел. С помощью исторически достигнутых, а значит исторически ограниченных рубежей деятельности, меняется сама эта деятельность, полагается её новое содержание (благодаря расширению горизонта освоения материи) и новая форма. Это происходит не независимым от участников процесса труда окольным путём, как это происходит в процессе вещного производства. Наоборот, это изменение происходит целенаправленно. Поэтому коммунизм, как освоение человеком своей собственной деятельности, обнажает внутреннюю противоречивость человеческой деятельности вообще, а значит и внутреннюю противоречивость материального мира, в котором человек осуществляет свою деятельность. Потому и для науки о коммунизме важнейшее методологическое значение играет замечание Маркса, высказанное в первом тезисе о Фейербахе.

«Главный недостаток всего предшествующего материализма - включая и феербаховский - заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно. Отсюда и произошло, что деятельная сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой. Фейербах хочет иметь дело с чувственными объектами, действительно отличными от мысленных

² Имеется в виду вовсе не расхожее представление, где красота связывается со вкусом, добро с мнениями о том, что такое хорошо и плохо, которые могут быть разными, и только истине придается какое-то объективное значение. Категории “истины”, “добра” и “красоты” разрабатывались на протяжении тысячелетий, как объективные идеальные характеристики человеческой деятельности в мире, разворачивающиеся (развивающиеся) в этой деятельности, а потому и объективные характеристики мира (материи). Другими словами, если коротко, когда говорится о деятельности по меркам истины добра и красоты, то речь идёт о “точках развития” человеческой чувственности, познания и нравственности, о развитии отношения человека к человеку и человека к природе, взятых со стороны идеального измерения.

объектов, но самое человеческую деятельность он берет не как предметную деятельность». В этом замечании не только подчеркнута роль идеализма в становлении теории деятельности. Хотя эта роль действительно огромна и важна, настолько, что впоследствии Ленин говорил о важности развития обществ «материалистических друзей гегелевской диалектики». Материалистически понятые категории диалектики как «миллионы раз повторенные формы человеческой деятельности» (Ленин), их внутренняя противоречивость и движение являются необходимым инструментом развития теории коммунизма именно потому, что в них отражены существенные моменты человеческой деятельности вообще, схвачено то, без чего человеческая деятельность в принципе не может осуществляться. Но в Марксовом тезисе также делается акцент на материальности человеческой деятельности.

Подчеркнем ещё раз, что свободная деятельность - это не «отдых» в современном смысле слова, не праздное провождение времени, а деятельность по меркам свободы. Когда-то философия в лице Бенедикта Спинозы определила свободу как осознанную необходимость. Настоящая свобода определяется действием сообразно с этой необходимостью.

В свободное время в соответствии с исторической необходимостью люди развивают культуру в самом широком смысле этого слова. Такая деятельность не является придуманной коммунистами в фантастических мечтах. Она существовала в прошлом и существует сейчас. Но она существовала и существует в очень жёстких рамках и является достоянием лишь немногих людей. Абсолютное большинство членов общества не знает свободной деятельности. Это происходило и происходит, в том числе, потому, что нужно не просто иметь время, но и быть развитым настолько, чтобы быть в состоянии такую деятельность осуществлять. Условия для такого развития были и остаются в современном обществе товарного производства весьма ограниченными.

Итак, чтобы двигаться в направлении коммунизма, производить нужно коммунизм, то есть свободную деятельность, точнее, свободное время и соответствующий уровень развития членов общества, которые могли бы её осуществлять.

Следовательно, и распределение здесь, в первую очередь, это распределение свободного времени и возможностей освоения человеческой культуры. Распределение продуктов труда необходимо лишь постольку, поскольку оно обеспечивает свободное время. В этом духе должен ставиться вопрос об эффективности общественного производства в переходный период к коммунизму. Свободное время при капитализме является издержками производства, оно не учитывается, не ценится, и потому часто так и не становится действительно свободным, не используется по назначению. Назначение свободного времени - быть использованным для постоянного развития общественных отношений (или развития деятельности, что, в сущности, одно и то же).

Потому для коммунизма привычка, ставшая достоянием всех, относиться к собственному свободному времени и деятельности, которая осуществляется в это время, как к общественному богатству, не подлежащему частному разбазариванию, является очень важной. Вообще, сила привычки и коллективного формирования привычки имеет здесь огромное значение, хотя бы потому, что

быть свободным, то есть действовать по меркам свободы, всегда очень трудно. Это означает находиться на острие противоречий, через которые осуществляется развитие общества. Это не только тяжёлый труд, но и трагедия в том смысле, что нужно постоянно преодолевать себя, отрицать себя прошлого. А коллективная общественная свобода - это коллективная общественная трагедия и её постоянное разрешение. Коммунистическое общество - это не общество всеобщей лени и праздности, а общество всеобщей свободной деятельности, являющейся для людей первой жизненной потребностью.

Коммунизм осуществляется через необходимую смену непосредственно коллективных форм человеческой деятельности по изменению самой этой деятельности (развитию самой жизни людей). Достигнутые формы, стремясь за свои пределы, создают новые. Потому эту смену нельзя представить как постоянно повторяющиеся следующие друг за другом одни и те же метаморфозы (как это мы видим в движении капитала). Внутренняя логика движения непосредственно-коллективных форм свободной деятельности, необходимость их смены определяется не просто исторически достигнутым способом производства и соответствующим им производственным отношениями, а свободой как необходимостью самой материи, раскрывающейся по мере освоения материи.

В наиболее общем виде закон коммунизма можно сформулировать как закон свободы или закон самодетерминации человеческой деятельности: свободная деятельность членов общества, осуществляющаяся как сознательное развитие содержания и форм этой деятельности, определяет развитие всего общества. Или, другими словами, свобода, реализуясь, стремится к самовозрастанию.

Конечно же, понимание действия этого закона требует постоянного уточнения с использованием всех имеющихся знаний, как о природе, так и об обществе. Потому теория коммунизма может в соответствующих условиях играть объединяющую роль для всех наук, указывая на реальную связь между ними, как связь самой человеческой практики.

Существующие в наши дни непосредственно-коллективные формы свободной человеческой деятельности как «ростки коммунизма» не просто являются свидетельством его возможности, они есть его реальное бытие. Важно понять, что коммунистический способ производства уже есть, речь идет лишь о том, чтобы он стал господствующим и распространился на всё общество.

В своём движении непосредственно-коллективные формы свободной человеческой деятельности как «ростки коммунизма» могут развернуться в коммунизм как общественный уклад, то есть как способ существования общества. В этом смысле одним из наиболее ценных положений в теоретическом наследии Ленина является совет выявлять и лелеять «ростки» коммунизма везде, где они есть.

Коммунизм как реальность в общественном производстве

Утверждение о том, что коммунизм уже есть, может показаться слишком смелым. Во всяком случае, оно требует подтверждения. В глаза бросается обратное – отсутствие коммунизма, господство труда, ценность которого для того, кто трудится, определяется лишь в форме платы за труд – заработной платы. Может показаться, что клеточка (зародыш) коммунизма – непосредственно-коллективная форма свободной человеческой деятельности – нечто, не стоящее на магистральной дороге развития человеческого общества. Между тем, мы попытаемся показать, что это не так. Для этого недостаточно подобрать такие примеры, которые засвидетельствовали бы наличие коммунизма в урезанных рамках эксплуататорского классового общества. Нужно рассмотреть непосредственно-коллективную форму свободной деятельности, производящуюся в современном классовом обществе, со стороны возможностей её дальнейшего развёртывания.

Напомним, в своё время Ленин смог увидеть в таком свете сначала советы, а потом коммунистические субботники. «Прямо-таки гигантское значение в этом отношении имеет устройство рабочими, по их собственному почину, коммунистических субботников. Видимо, это только еще начало, но это начало необыкновенно большой важности. Это — начало переворота, более трудного, более существенного, более коренного, более решающего, чем свержение буржуазии, ибо это — победа над собственной косностью, распушенностью, мелкобуржуазным эгоизмом, над этими привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему и крестьянину. Когда эта победа будет закреплена, тогда и только тогда новая общественная дисциплина, социалистическая дисциплина будет создана, тогда и только тогда возврат назад, к капитализму, станет невозможным, коммунизм сделается действительно непобедимым». Ленин утверждал, что первый коммунистический субботник, устроенный 10 мая 1919 года железнодорожными рабочими Московско-Казанской железной дороги, имеет большее историческое значение, чем любая победа в Первой Мировой войне. Речь шла не просто о самостоятельном волеизъявлении рабочих, организовавших субботник, но и об существенном увеличении производительности труда в этом начинании, обусловленном тем, что для каждого работника это было его личным делом, где реализовалась личная заинтересованность в развитии железнодорожного хозяйства в интересах всего общества.

После публикации главы об основании коммунизма со стороны одного из наших читателей последовало важнейшее замечание: «Коммунистический способ производства подразумевает и производство материальных благ, а не просто пушкинский литературных кружок, способствующий становлению поэтов. Потому как "коммунистических отношений", основанных на эксплуатации для "избранных", сегодня полно» - утверждал читатель. Он потребовал предъявить свидетельства, что коммунизм уже есть, и каким он может быть именно в сфере *материального производства*. Правота читателя, на наш взгляд, тут заключается в двух аспектах. Во-первых, читатель выступил от имени пролетариата – людей, непосредственно занятых в материальном производстве путём продажи собственной рабочей силы, где коммунизм не наблюдается. Во-вторых, читатель ставит важнейший вопрос о коммунистическом материальном производстве, ведь

именно оно определяет коммунизм в общественном масштабе, а не стремления, пожелания и даже действия политических революционеров.

Однако, коммунизм невозможен в чисто материальном производстве. Там, где человек непосредственно производит только вещи, а производство общественных отношений происходит в этом процессе совершенно независимо от него, от его целей, воли и сознания, ни о каком коммунизме не может идти речи, даже если само по себе производство вещей доставляет трудящемуся известное удовольствие от труда. В таком производстве человек является лишь материальной силой наряду с другими материальными силами. Он, в конечном счёте, выступает как вещь, воздействующая на другие вещи. Такой труд с точки зрения марксизма для наступления коммунизма не только может, но и должен быть уничтожен как человеческий труд и целиком передан машинам. Говоря об исторической роли капитала, Маркс специально отмечал важность создания прибавочного труда и универсальности человеческих потребностей как условия и предпосылки коммунизма. С этим капитал уже справляется и при капитализме. Но только этого недостаточно. Историческая роль капитала будет окончательно выполнена, а коммунистическое общество станет реальностью только тогда, «когда прекратится такой труд, при котором человек сам делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека». В этом смысле человек не может действовать по-коммунистически, пока он не выведен за рамки чисто материального производства, пока он делает то, что могут делать вещи и, что важно, в этом процессе сам выступает как вещь. Поэтому пролетариат – единственный класс, который до конца последовательно заинтересован в том, чтобы историческая роль капитала была выполнена до конца. Это и есть уничтожение тех условий, в которых общество постоянно раскалывается на классы.

Автор замечания правильно отметил, что в сфере производства идеального коммунизма можно найти сколько угодно. Сюда можно отнести работу учёного и коллектива учёных, которые для того, чтобы дать людям научную истину, работают и день и ночь, да ещё и читают просветительские лекции в свободное время. Известный минимум материальных благ тут является условием, а не целью ведения коммунистической деятельности. Коммунистической деятельностью является работа писателя, художника, музыканта, которые трудятся для того, чтобы люди видели, слышали, чувствовали и понимали мир лучше, чтобы раздвинуть границы человеческих способностей, а не ради денег или славы и т.д. и т.п. Конечно, далеко не вся деятельность в сфере идеального является коммунистической. Но если указанные в предыдущей главе моменты непосредственно-коллективной формы свободной человеческой деятельности налицо, то мы имеем дело с локальным коммунизмом, несмотря на то, что коммунизм здесь существует в весьма урезанном виде.

Коммунизм здесь, как правильно нам укажут, далеко не полный. Во-первых, сами условия для него производятся за счёт чисто капиталистической эксплуатации человека человеком. Во-вторых, капитал, как господствующее общественное отношение, загоняет и здесь свободу в жёсткие рамки. Нельзя построить коммунизм, как способ материального производства, не выходя за пределы сферы идеального. И хотя коммунизм в сфере идеального на протяжении всей истории человечества играл важнейшую роль, так как в свободной деятельности рождались те идеи, которые не просто отражают, но и «творят» мир,

всё же он не может играть решающего значения, так как не делает ещё общество коммунистическим. В-третьих, тут речь пока не идёт о преодолении общественного разделения труда, что является важнейшим условием для коммунизма. Универсальность человека здесь может быть только на уровне сознания, но не на уровне целостности человека как предметно-практического существа.

Однако, существует такое материальное производство, которое не является чисто материальным производством, а является производством человека в его целостности. Такое производство не просто окольным путём определяет, а включает в себя производство идеального – общественного сознания, общественного идеала, общественного целеполагания. Приведённый выше пример с коммунистическим субботником, в ходе которого рабочие занимались погрузкой и разгрузкой грузов, а также ремонтом подвижного состава, хорошо показывает это. Неприглядный, на первый взгляд, ручной труд здесь был не просто трудом по переносу тяжестей, а трудом по производству новой социальной реальности. Тут уместно вспомнить субботники по уборке сахарного тростника на Кубе: с помощью довольно примитивных орудий труда под палящим солнцем участники не просто рубили тростник, а добывали средства для модернизации производства, строительства школ, больниц – ради создания условий для развития всех представителей кубинского народа. Такой труд был и в колонии имени Горького и коммуне имени Дзержинского, которыми руководил Антон Семёнович Макаренко. Любое дело, даже выкапывание при помощи лопаты отхожих ям и возведение над ними деревянных домиков становилось здесь, в конечном счёте, производством нового человека, свободной человеческой деятельностью по меркам истины, добра и красоты.

Поэтому вопрос о свободной форме непосредственно-коллективной деятельности в материальном производстве нужно поставить так: какую связь с обществом, как целым в его развитии, такая деятельность воплощает и производит для того, кто трудится, и какое место и роль в развитии общественного целого она играет?

Нетрудно заметить, что приведённые выше примеры взяты из истории социализма. При социализме, самым фактом формального обобществления средств производства, снимается ряд препятствий для свободного изменения общественной жизни. Потому нам могут заметить, что эти примеры не совсем корректны. Но, во-первых, при снятии барьеров получает возможность реализации не то, чего вообще нет, и не то, для чего вообще нет условий, а то, для чего не было *полного комплекса* условий, и единственное, чего не хватало в этом комплексе – это упразднения господства капитала. То, что снятие барьеров даёт простор для развития коммунистических тенденций, означает, как минимум, что эти тенденции есть, что потенциал для становления такой деятельности кроется уже в капитализме.

Нам также могут возразить, что субботник – это что-то неустойчивое, ситуативное, не определяющее ход жизни вообще. Хотя в процессе субботника ставятся и достигаются общественные цели как личные цели участников субботника, за пределами субботника в материальном производстве действуют всё те же капиталистические законы: рабочая сила является товаром, а каждый отдельный пролетарий заключает договор купли-продажи рабочей силы со своим

же классом, который выступает по отношению к нему как коллективный капиталист; закон стоимости сохраняет свою силу, если его действие специально не ограничивать, доводя тенденцию капитала к автоматизации производства до предела.

То есть, приведённое выше в качестве примера, само по себе ещё не делает общество коммунистическим. Замечания вполне верные, с этим мы спорить не станем. Но суть дела заключается не только и не столько в простой регистрации, простом фиксировании: дескать это – коммунизм, а это – не коммунизм, или не совсем коммунизм, а в тех тенденциях общества, потенциал которых заключается и виден в таких островках коммунизма. Именно в этом духе думал «ростках коммунизма» Ленин. Субботники его интересовали именно как ростки, зародыши. Потому он и обращает внимание, главным образом на две вещи: 1) свободное волеизъявление участников субботника по отношению и к средствам производства, и к самим себе; 2) значительный рост производительности труда во время субботников, достижение которого связано с этим свободным волеизъявлением.

Ещё одним существенным замечанием было бы указание на то, что в приведённых выше примерах деятельность осуществляется далеко не самыми передовыми даже для капитализма орудиями, и уж точно не на коммунистической технологической базе. Это напряжение человеческих сил происходит скорее от недостатка общественного развития: недостатка техники, недостатка организации технологических процессов даже в чисто капиталистическом плане. В этом, на наш взгляд, заключается самое резонное возражение против такого коммунизма, как против зародыша нового общества. Коммунизм по нужде, о котором говорилось выше, ещё не является коммунизмом по внутренней необходимости, а потому из него самого ещё не следует развитие коммунистического общества. Он является пусть и существенной, но только предпосылкой для такого общества. Здесь, опять-таки, нужно исследовать связь, преемственность со стороны способов построения коллективности между такого рода коммунизмом и коммунизмом, развитым на своём собственном основании, чему нужно посвятить отдельную работу.

Однако, отсылка к необходимости отдельной разработки этой проблемы вовсе не снимает с нас обязанности указать на практическую возможность этой связи в общих чертах, а также обязанности по предоставлению свидетельств существования непосредственно-коллективных форм свободной человеческой деятельности, основанных на передовых современных технологиях.

Связь между «коммунизмом по нужде» и коммунизмом на своём собственном базисе, их преемственность, может заключаться во-первых, в воспитании масс, в формировании привычки к свободному волеизъявлению по общественной необходимости в производстве общественной жизни; во-вторых, в создании коммунистических форм коллективной организации, которые в условиях преодоления общественной нужды, вызвавших их к жизни, вовсе не обязательно должны исчезнуть, а с учётом осуществляющегося в них воспитания в духе подлинной свободы, как осознанной общественной необходимости, стать формами коммунистической организации общественной жизни. Мы не утописты. Как именно это будет осуществляться, мы придумывать не станем. Это каждый раз зависит от сплетения конкретно-исторических обстоятельств. Мы только фиксируем возможность такого дальнейшего развития, заключающуюся в

подобных ростках со стороны коллективно-организационной формы человеческой деятельности, предполагающих свободное и равное участие в ней.

Что же касается коммунизма, основанного на передовых технологиях, такие ростки мы видим в процессе совместного пользования современными информационными технологиями и создании их. Например, операционная система Linux и другие программы, созданные в рамках производства свободного ПО, созданы на коммунистических началах.

Оговоримся, что речь идёт не о всех программах с открытым кодом. Многие крупные современные проекты дали начало огромным корпорациям, и от того, что код открыт, деятельность по созданию программ не является свободной. И там, где это имеет место, корпорация полностью определяет политику проекта, спонсирует его и получает от этого выгоду. Код пишется программистами за плату. Коммунизма здесь нет (хотя есть возможность по превращению такой деятельности в коммунистическую). Так, например, пишутся вспомогательные продукты, нужные, нескольким компаниям сразу. Кооперация удешевляет разработку. Но, в конечном счёте, продукт тут производится для получения прибыли. Часто для вообще какого-либо использования такого продукта и, уж тем более, коммерческого, нужны большие ресурсы, имеющиеся только у крупных корпораций. У них обычно есть коммерческий сервис или софт, для которого разработанное является одной из условных «деталей», то есть условием для его работы и успешных продаж. Но корпорации монополизировали то, что технологически имеет серьёзный потенциал, выходя за рамки капитализма. Этот потенциал связан с технической возможностью как производства, так и пользования программным обеспечением, благодаря развитию информационных машин и сетей.

Началось свободное ПО, и часть проектов сейчас существует как проекты там, где нет товарно-денежных отношений. Более того, разработчиками ведётся борьба за то, чтобы из этого никто не извлекал коммерческой выгоды. Это и есть эмпирически данный коммунизм в рамках капитализма. Открытое программное обеспечение предполагает полный свободный доступ к программам и к кодам программ, а также предоставление в свободный доступ самих программ и их кодов, созданных с использованием полученных ранее свободных исходников. Например, операционная система Linux, оказалась конкурентоспособна по отношению к коммерческому Windows. Корпорации в итоге всячески пытаются подмять под себя и делают, продукты на основе открытого кода этой системы. Но сама она так и остаётся бесплатной.

Правда, созданное в рамках некоммерческого свободного ПО, далеко не всегда, работает так, как это задумывалось, на что обращают внимание пользователи. Но и коммерческое, на пути к стадии полностью готового продукта, проходит через это, а какие-то разработки вообще закрываются из-за их тупиковости. То же самое и здесь. Только тут все стадии открыты и видны всем. Недоделанное и тупиковое тоже оказывается достоянием общественности. Свободные программы – это вообще часто полуфабрикат, рассчитанный на приведение пользователем в состояние полной готовности. Это осложняет его конкурентоспособность в рамках капитализма в мире с общим низким уровнем информационной грамотности.

Корпорации развивают свой продукт с учётом этого уровня грамотности, доводя до возможности примитивно-интуитивного использования. Их продукт предназначен для людей, которым в условиях отчуждения легче заплатить, чтобы пользование было интуитивным, чем затратить время на то, чтобы разобраться в программе. Продукт корпораций не предполагает того, что пользователи создают новые программы или модифицируют существующие под себя путём дописывания или переписывания части кода. Использование их не требует особо высокой культуры и уж тем более понимания технологических процессов. Потому программы, произведённые крупными корпорациями, имеют намного более широкие возможности для сбыта. К тому же они часто более высокого качества, так как проработаны во всех деталях.

Свободное некоммерческое во всех смыслах ПО, напротив, требует знания хотя бы элементарных основ программирования, предполагает возможность, а часто и требует дописывания и переписывания. Оно заставляет пользователя самому становиться программистом хотя бы отчасти, и постоянно совершенствоваться в этом³. Именно последнее обстоятельство, которое ограничивает чисто капиталистическую конкурентоспособность свободного ПО, говорит о его большем общественном потенциале, по отношению к коммерческому (речь не об отказе от удобного интерфейса, а о возможности самому создавать удобный интерфейс). В его производстве, способах передачи и использования заложен не просто потенциал технического развития, а потенциал развития человека – преодоления разделения труда, подтягивания всех участников процесса до уровня современной компьютерной грамотности. И хотя этот локальный коммунизм пытаются (и иногда успешно) подмять под себя капиталистические компании, его вполне можно отнести к росткам нового общества, пусть пока ещё слабым и нежным. Во-первых, он возник на базе самых передовых для капитализма технологий. Во-вторых, чётко очерчивает границу между капиталистическим и выходящим за рамки капитализма способом использования и создания этих технологий.

Важно ещё и то, что такое производство уже чисто технологически ведёт к уничтожению иерархии в производстве и раздельности пользователей и программистов. Оно не требует внешней связи между ними и специальных общественных «органов управления», обеспечивающих эту связь. Внешнее управление людьми, даже в самой чистой демократической форме – в форме решения вопросов путём общих голосований – здесь уже не требуется. В тенденции оно отмирает, становясь излишним.

Нам могут заметить, что, говоря о некоммерческом свободном производстве программного обеспечения, речь здесь опять идёт о сфере производства идеального. Действительно, процесс создания кода программ, как разновидности текста относится к идеальной деятельности, а код программы (но не сама программа в её обычной работе) является идеальным продуктом. Однако, это та идеальная деятельность, которая является важнейшей частью современного промышленного материального производства. Создание программного обеспечения – это труд по внедрению автоматизации в промышленное

³ Правда, это может портить нервы и не давать сосредоточиться на выполняемой задаче. В итоге, вместо того чтобы делать дело, людям приходится чинить постоянно разваливающийся инструмент для Linux. Но нет никаких принципиальных препятствий (если смотреть со стороны потенциала) к преодолению этого и написания более качественных программ при возможности больших затрат общественного времени на их создание.

производство. И, хотя код программы является идеальным продуктом, функционирование современных промышленных машин на основе этих программ (то есть «работа» программ в промышленности) является чисто материальным машинным производством.

Конечно, в рамках производства свободного программного обеспечения производится множество бессмысленных и бесполезных программ. Это не так уж важно. Важно то, что производятся и могут производиться не только они, а вполне пригодные для использования в масштабах современной индустрии продукты. И производятся эти продукты коммунистически. Хотя часто эти проекты или не заканчиваются, или растягиваются на годы из-за того, что участники должны зарабатывать себе на жизнь, а потому времени на свободную деятельность у них не так много.

То же самое мы наблюдаем в процессе создания и использования современных баз данных. Опять-таки, далеко не все они производятся коммунистически. Но существуют большие общедоступные базы данных, предполагающие исключительно совместное создание и использование. По-другому производиться они просто не могут. В противном случае они обесмысливались бы и становились бы непригодными для тех целей, ради которых и появились. Например, некоторые пространственные базы данных предполагают свободное участие в их формировании для создания образа пространства в интересах развития общества.

Тут тоже объективные закономерности человеческой деятельности в тенденции исключают обязательную иерархичность, характерную для капиталистического способа производства, включая в процесс всех участников как равных и свободных.

Структура базы данных тоже является идеальным продуктом, возразят нам. Но при создании баз данных идеальная деятельность настолько слита с материальным производством (в том числе и материальным отражением при помощи баз) и воспроизводством общественной жизни, что её при всей идеальности уж точно нельзя отнести к надстроечной деятельности. Как и в случае с ПО – это идеальный момент материального общественного производства, не абстрагированный (не в сознании, а реально) из этого производства в виде выделившихся форм общественного сознания.

Таким образом, мы здесь указываем не просто на идеальную деятельность, а на *промышленное материальное производство*, и на тенденции и потенции, заключённые в нём уже при капитализме, которые при снятии барьеров в виде частной собственности на средства производства могут развиваться в коммунизм, составив как чисто технологическую, так и коллективно-организационную, воспитывающую, создающую нового человека, базу для него.

Дальнейшее развитие этой тенденции ведёт к автоматической фабрике в идее, в которой Маркс увидел прообраз будущего материального производства. Здесь также заложен потенциал реализации идей В. М. Глушкова об «общегосударственных» (всеобщественных), системах управления экономикой (этой автоматической фабрикой в общественном масштабе). В перспективе (при условии снятия социальных барьеров) каждый может иметь доступ ко всей информации о состоянии всего общественного производства в реальном времени. Каждый может участвовать в управлении не просто производством вещей (производство вещей имеет смысл лишь постольку, поскольку оно служит главной

цели производства), а производством человека – общественной жизни в её целостности.

Что интересно, участие во всех этих процессах предполагает производство и потребление идеального продукта всеми участниками, но такого, который не отчуждён и не может быть отчуждён от материального производства. В этом прослеживается возникновение нового типа общественного сознания, снимающая его отчуждённые формы.

И потребность в снятии социальных барьеров для свободной деятельности тоже создаётся современным капитализмом. Сам он вне зависимости от чьей-либо воли и сознания объективно ставит этот вопрос на повестку дня. Объективная логика движения современного капитала, постоянно порождающая войны и тем самым делает невозможными привычные способы и формы деятельности людей. Капитал вынуждает людей создавать качественно новые формы деятельности для решения проблем воспроизводства общественной жизни в *противодействии* разрушительной силе капитала.

Общая (общественная) собственность

Препятствием для движения к коммунизму является частная собственность. Первая работа, где Маркс серьёзно и основательно задумывается о коммунизме – это «Экономическо-философские рукописи 1844 года». Глава о коммунизме находится во второй рукописи сразу после главы о частной собственности. Она начинается рассуждениями о частной собственности, о труде как о сущности частной собственности и о понимании частной собственности и труда у различных представителей социализма и коммунизма как идейного течения. Коммунисты выступают против частной собственности (в том числе и до Маркса) на средства производства, поскольку она делает людей рабами других людей и порождает все ужасы капиталистического общества.

Частная и личная собственность – это не одно и то же. Предметы непосредственного пользования и потребления, принадлежащие их владельцу, по форме находятся в частной собственности, точно так же, как и заводы, фабрики, магазины, корпорации, большие земельные участки. Это обстоятельство затуманивает суть дела. Потому, когда антикоммунисты слышат об уничтожении частной собственности, самые примитивные из них думают, что речь идёт об обобществлении абсолютно всех вещей и начинают бояться за свои личные вещи. В этом пункте мы можем их успокоить. Предметы личного потребления коммунистов интересуют вовсе не в том смысле, чтобы кого-то их лишить, а лишь в том, чтобы все были ими обеспечены в достаточной для полноценной и разносторонне-богатой жизни мере. Экономически эти предметы находятся не в частной, а в личной собственности.

Уничтожение частной собственности не отменяет личной собственности (частная собственность — это отношение между людьми по поводу вещей, а не вещи), поскольку потребление с необходимостью должно носить личный характер. Наоборот, уничтожение частной собственности обеспечивает доступ всех членов общества к предметам, необходимым для личного потребления, а там, где это более рационально, переводит потребление в общественные формы. Например, организация потребительских кооперативов позволяет повысить эффективность использования вещей и уменьшает потребность в их производстве и хранении, а значит также и затраты общественного времени на это. Так, организация простого потребительского кооператива по использованию предметов, которые используются не так часто, позволяет не захламлять предметами пространство и максимально эффективно использовать каждый из них вплоть до их морального и физического износа. При этом предмет переходит из рук в руки, и каждый участник кооператива может получить полезный эффект от него. Примеры потребительских кооперативов описывались в литературе много раз. Это легко проделывается с самыми разными предметами, которые перестают принадлежать кому-то лично и при этом используются всеми в должной, для удовлетворения потребностей мере. Коммунизм противостоит здесь личной собственности совсем не с той стороны, с которой опасаются его противники. Общественные формы потребления направлены не на то, чтобы у кого-то что-то отнять, а на то, чтобы дать доступ к предметам потребления всем.

Что касается таких общественных форм быта, как совместное использование стиральных машин, совместное приготовление и доставка пищи, совместное

использования уборочной техники, то тут экономия ресурсов, и человеческого времени (и прямо, и косвенно – как экономия времени на производство ресурсов) при том же уровне потребления может быть очень большой. В каждый момент времени она пропорциональна возможностям техники. Но даже сейчас, например, приготовление каши для одного ребёнка в домашних условиях и приготовление каши на 200 детей в условиях детского сада или молочной кухни, оснащенных современной техникой, занимает одно и то же время.

То же самое касается и приготовления пищи для взрослых. Общественное потребление позволяет использовать более эффективные технологии, неприменимые в индивидуальных домашних условиях, с намного более высоким уровнем автоматизации всех процессов. При этом можно лучше вести контроль качества, что в итоге выгодно всем участникам процесса. Движение в этом направлении существуют и при капитализме. Сам капитализм на свой лад производит и стандартизирует систему общепита (Макдональдс, например, предлагает одинаковую картошку фри во всех частях света), прачечных и т.д. В условиях капитализма они всё равно не используются общественным способом. Формы совместного потребления постоянно наталкиваются на противодействие в товарном производстве, а производство, как известно, определяет потребление.

Все тяготы быта, в котором задействовано множество людей, можно заменить передовым производством, основанным на современных технологиях; мешающий друг другу и проходим, и создающий пробки личный транспорт заменяется на хорошо развитый общественный, и так далее во всех сферах человеческой жизни, где это пошло бы на пользу всем. Например, в современных больших городах, где развит общественный транспорт, те, кто им пользуется, особенно в часы пик, добираются до нужного места более эффективно. В Москве дети, которые ездят в школу на метро в основном приезжают вовремя, те же, кого подвозят на личном автомобиле, как правило, опаздывают, поскольку попытки использования общественного ограниченного городского пространства частным способом, оказываются менее эффективны, чем общественное использование. Этим объясняются и призывы городских властей во время снегопадов отказаться от использования личного транспорта и пересесть на общественный, чтобы минимизировать аварийные ситуации на дорогах.

Товарное производство культивирует индивидуальные формы потребления. Даже при всей их нерациональности и неэффективности, они являются условием постоянного спроса на товары на рынке, условием движения капитала. Именно в этом смысле частная собственность соприкасается с личной и влияет на неё.

Частная собственность, или, точнее будет сказать, частная собственность на средства производства, это, главным образом, возможность извлечения прибавочного продукта (прибавочной стоимости, в форме прибыли или в форме ренты), то есть эксплуатация других людей.

Коммунисты говорят об обобществлении частной, а не личной собственности – средств общественного производства, которые сейчас используются не на благо всему обществу, а служат эксплуатации человека человеком. Частная собственность — это не вещи, а общественные отношения при посредстве вещей. Её сущность составляет эксплуатация.

Представители коммунизма до Маркса понимали уничтожение частной собственности как распространение её на всё общество, превращение всех членов общества в рабочих и уравнивание всех как в отношении труда, так и в отношении потребления. Частная собственность рассматривается многими представителями домарковского коммунизма только как вещественное богатство, которым можно владеть всем вместе. Например, Прудон мыслил частную собственность только как капитал, который подлежит уничтожению. Ближе к Марксу были те теоретики, которые считали источником частной собственности и её губительного влияния на человека определённый характер труда, «труд нивелированный, раздробленный и поэтому несвободный», однако они сводили такой труд к определённым видам труда. «Фурье, который, подобно физиократам, опять-таки считает земледельческий труд по меньшей мере наилучшим видом труда, тогда как по Сен-Симону, наоборот, суть дела заключается в промышленном труде как таковом, и он в соответствии с этим домогается безраздельного господства промышленников и улучшения положения рабочих. И, наконец, коммунизм есть положительное выражение упразднения частной собственности; на первых порах он выступает как всеобщая частная собственность». «Положительное», в данном случае означает «с сохранением всех богатств культуры и деятельных способностей человека, развитых в обществе товарного производства».

Понимание отрицания частной собственности как распространение её на всё общество подвергается Марксом беспощадной критике. Он показывает, что такой коммунизм не преодолевает частную собственность, а является лишь теоретическим завершением частной собственности как общественного отношения. Он отмечает, что господство собственности, как совокупности вещей, над таким коммунизмом, как идейно-теоретическим положением и общественным движением, ещё очень велико. Общественные отношения мыслятся ещё только под частнособственническими определениями. Такой коммунизм «стремится уничтожить все то, чем, на началах частной собственности, не могут обладать все; он хочет насильственно абстрагироваться от таланта и т. д. Непосредственное физическое обладание представляется ему единственной целью жизни и существования; категория рабочего не отменяется, а распространяется на всех людей; отношение частной собственности остается отношением всего общества к миру вещей; наконец, это движение, стремящееся противопоставить частной собственности всеобщую частную собственность, выражается в совершенно животной форме, когда оно противопоставляет браку (являющемуся, действительно, некоторой формой исключительной частной собственности) общность жен, где, следовательно, женщина становится общественной и всеобщей собственностью».

Для Маркса идея общности жен – это отношение к человеку как к вещи, которая показывает и отношение человека к миру вещей, созданных человеком для человека «Подобно тому как женщина переходит тут от брака ко всеобщей проституции, так и весь мир богатства, т. е. предметной сущности человека, переходит от исключительного брака с частным собственником к универсальной проституции со всем обществом». Маркс называет такой коммунизм грубым. Под богатством здесь понимается вся совокупность вещей, созданных людьми для людей, в которых воплощены как деятельные способности человеческого общества, так и потребности, которые оно выработало.

Теория грубого коммунизма, отрицающая личность человека, только абсолютизирует в мысленном отражении реальную тенденцию общества частной собственности. Там, где богатство человеческих отношений низводится до отношений частной собственности, личность низводится до экономического агента частной собственности. Собственно, личность этих агентов (как пролетария, так и капиталиста) для движения частной собственности абсолютно безразлична. Пролетарий интересуется капиталиста не как личность, а исключительно как продавец рабочей силы определённого качества, капиталист пролетария – исключительно как её покупатель. То же происходит в актах купли-продажи любых других товаров. Все остальные личностные качества экономических агентов к движению частной собственности отношения не имеют. Если люди всё время своей жизни не выходят за рамки этих отношений, их личность начинает сводиться только к этим определениям.

Грубый коммунизм предполагает такое упразднение частной собственности, которое не было бы подлинным освоением её. Это видно из абстрактного отрицания достижений культуры, рассмотрения их как излишних только потому, что они не нужны пролетарию как пролетарию и (по выражению Маркса) стремления к неестественной простоте бедного, грубого и не имеющего потребностей человека, который не может преодолеть частную собственность, так как ещё не дорос до неё.

Лозунг «Всё отнять и поделить», характерный для современных представителей псевдокоммунизма, стоит ещё ниже. Они даже не дошли до обобществления хотя бы в том виде, в котором её предлагали представители грубого коммунизма – обобществления нищеты.

Грубым коммунистическим теориям Маркс противопоставляет коммунизм как положительное упразднение частной собственности. Такой коммунизм, как исторический процесс, сохраняет богатство всего предшествующего исторического развития в виде деятельных способностей, потребностей, материальной и духовной культуры человечества. Коммунизм делает всё это достоянием каждого члена общества. Как исторический процесс он носит сознательный, а не стихийный характер, поскольку обобществление предполагает сознательное отношение членов общества к производству и воспроизводству своей общественной жизни. Коммунизм предполагает освоение объективных законов общественного развития, которые человечество может поставить себе на службу точно так же, как законы физики, химии и биологии в современной промышленности.

Вся предшествующая история человечества порождает условия для такого коммунизма, который преодолевает частную собственность, но в этом преодолении сохраняет все богатство предшествующего развития. В процессе всей предшествующей истории формируется и соответствующее сознание – теория коммунизма. Коммунизм понимается как процесс уничтожения частной собственности: «Для уничтожения идеи частной собственности вполне достаточно идеи коммунизма. Для уничтожения же частной собственности в реальной действительности требуется действительное коммунистическое действие».

Следует отметить один важный, на наш взгляд, момент. Речь идёт об употреблении терминов «социализм» и «коммунизм», привычное значение

которых устоялось не сразу. В цитируемых выше Рукописях 1844 года социализмом ещё называется общество, где частная собственность не снимается, а уже снята. В то время как коммунизм понимается как процесс (акт) отрицания (снятия) частной собственности. Именно поэтому здесь он не рассматривается как форма общества, а лишь как энергический принцип ближайшего будущего.

Это обстоятельство позволяет пролить свет на то, почему именно такие вопросы были подняты и именно так изложены Марксом и Энгельсом всего через 3 года после написания «Рукописей» в «Манифесте коммунистической партии». Чётче прослеживаются корни основного в Манифесте положения: «Но современная буржуазная частная собственность есть последнее и самое полное выражение такого производства и присвоения продуктов, которое держится на классовых антагонизмах, на эксплуатации одних другими. В этом смысле коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности».

Это снятие, как уже отмечалось, предполагает сохранение всего культурного богатства, деятельных способностей и потребностей, развитых на основе частной собственности. Оно осуществляется не для самого себя, а для существования коммунистического общества с соответствующей собственностью и способом общения.

Каким бы ни было коммунистическое общество, человек как природное существо должен жить природой и присваивать себе природу: всё, чем пользуется и что употребляет человек, сделано из природного материала, при помощи природных процессов, поставленных на службу человеку, или является самими этими природными процессами. Через 20 лет после написания «Манифеста» во Введении из «Экономических рукописей 1857–1859» годов Маркс писал: «Всякое производство есть присвоение индивидуумом предметов природы в пределах определённой общественной формы и посредством неё. В этом смысле будет тавтологией сказать, что собственность (присвоение) есть условие производства. Смешно, однако, делать отсюда прыжок к определённой форме собственности, например, к частной собственности (что к тому же предполагает в качестве условия противоположную форму — отсутствие собственности)».

Коммунистическому обществу соответствует общая, то есть общественная форма собственности на все общественные средства производства и, соответственно, общее общественное управление всем общественным производством как единым целым. Общественному характеру производства, развитому на базе частной собственности, должен соответствовать общественный характер присвоения продуктов этого производства. Маркс и Энгельс писали об этом десятки раз, в разных своих работах. Пожалуй – это единственное положение, которое запомнили современные коммунисты, даже если они не понимают его значения.

Для начала этого исторического движения в наиболее развитых странах Маркс и Энгельс предложили следующие меры:

- «1. Экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов.
2. Высокий прогрессивный налог.
3. Отмена права наследования.

4. Конфискация имущества всех эмигрантов и мятежников.
5. Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией.
6. Централизация всего транспорта в руках государства.
7. Увеличение числа государственных фабрик, орудий производства, расчистка под пашню и улучшение земель по общему плану.
8. Одинаковая обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия.
9. Соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению различия между городом и деревней.
10. Общественное и бесплатное воспитание всех детей. Устранение фабричного труда детей в современной его форме».

Как мы видим, с точки зрения поставленной задачи по уничтожению частной собственности, эти меры выглядят не столь уж радикально, но общо, как и должно быть в манифестах. Манифесты должны быть ясны, понятны, и обозначать основное направление развития. Тем более, сами авторы утверждали, что меры зависят от конкретно-исторических условий, а потому могут быть иными. О мерах мы специально будем говорить в одном из следующих выпусков, через призму опыта социализма XX века.

Теперь же нужно сказать ещё пару слов о том, что такое частная собственность, что именно коммунисты ставят себе целью уничтожить с сохранением всего положительного содержания, чтобы «на место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями» пришла «ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».

Частная собственность — это продукт несвободного труда и, в то же время, средство производства несвободного характера труда: такого труда, когда и процесс, и продукт труда не принадлежит непосредственно коллективу трудящихся людей, труда, который сам по себе обезразличен для трудящихся, а является лишь средством по достижению внешних целей (денег). Сущность частной собственности — в таком характере труда. Он доходит до пределов своего развития в капиталистическом обществе развитого товарного производства, благодаря доведению до крайней степени общественного разделения труда, превращающего продукты труда в товары (в товарном производстве).

Общественное разделение труда долгое время способствовало развитию человечества. Оно повышало производительность труда и создавало материальную базу для того, чтобы передать машиноподобные функции, которые вынужден выполнять человек из-за неразвитости орудий, самим этим орудиям-машинам. Но оно не только объединяет людей, дескать, Вася — слесарь, а Петя — программист, каждый делает своё дело, а над ними ещё стоит специалист-менеджер, который управляет ими для общего блага. Такая цель не преследуется никем из участников процесса. Все люди при таком положении дел, оказываются связанными между собой внешним образом — через продукты своего труда. Они вынуждены обменивать свой продукт на тот, которого у них нет, оставаясь в

процессе труда безразличными друг к другу. Не важно, кто и как делает этот продукт, важно, что *этот продукт чужого труда* нужен мне.

Общественное разделение труда прошло несколько крупных стадий, сыгравших положительную роль в развитии человечества. О них имеет смысл говорить в отдельной работе, специально посвященной этому вопросу. Здесь только важно отметить, что общественное развитие – продукт истории. Марксисты отмечают с порога все предрассудки о биологически-природной приспособленности членов общества к тем или иным видам труда. Эти предрассудки не выдерживают даже поверхностной научной критики. Они не соответствуют не только тому, что известно об истории этого вопроса, но и той истории, которая совершается на наших глазах. Ежегодно появляется и исчезает множество новых профессий. Родители часто не понимают, в чём суть работы их детей и уж точно не могли передать к ней склонность по наследству вместе с генами.

С тех пор, как труд становится частичным, а продукты труда людей становятся товарами, то есть начинают производиться специально для обмена, эти продукты начинают господствовать над людьми. Вещи – продукты их собственного труда – и деньги, как представители всех вещей, приобретают над живыми людьми хорошо известную власть. А с тех пор, как товаром становится рабочая сила, такое господство, соответственно, приобретают люди, у которых эти деньги есть в достаточном количестве, чтобы купить средства производства и рабочую силу. Эти люди владеют живым человеческим трудом. Экономически они являются только представителями капитала. Их функция – присоединять к капиталу чужой труд, чтобы увеличилась стоимость капитала. В конце концов, это приводит к тому, что почти все члены общества так или иначе работают ради увеличения капитала – самовозрастания стоимости. «Только продукты самостоятельных, друг от друга независимых частных работ противостоят один другому как товары». Поэтому уничтожение частной собственности – это уничтожении товарного производства вообще, а не только капиталистического товарного производства.

Стоимость стремится к самовозрастанию. Это закон, управляющий обществом, где каждый прикован к своей частичной деятельности или, другими словами, общества развитого товарного производства. Законы современных государств – естественное юридическое выражение этого объективного закона производства, основанного на несвободном и раздробленном труде.

До определённого момента стремление капитала к самовозрастанию является движущей силой развития общества. Но оно вызывает к жизни общественные силы, которым становится тесно в рамках капитала. Использование их исключительно в целях увеличения капитала ведет к катастрофическим последствиям.

Управлять этими силами нужно, да и возможно на благо общества только всем вместе для развития всех, по общему разумному плану. А для этого необходимо освоить универсальные человеческие способности (овладеть универсальной чувственностью, мышлением и нравственностью), выйдя за рамки своей профессии, не позволяющие разобратся даже в «соседней» профессии, а уж тем более - в общественных процессах в целом. Поэтому уничтожение частной собственности равно уничтожению несвободного характера труда. Оно

осуществляется по мере развития свободной коммунистической деятельности и превращение её в достояние всех людей.

Частной собственности коммунизм противопоставляет общую собственность, как форму совместного практического отношения людей к средствам производства и природным ресурсам. Общая (общественная) собственность обеспечивает наиболее эффективное использование производственных возможностей не только для общества в целом, но и для каждого его члена. Она предполагает *активное участие и активную волю* в отношении общественных ресурсов от каждого члена общества. Соответственно, если частная собственность – продукт разделения труда (раздробление его на всё более частные виды труда)⁴ – и является этим разделением, то общая собственность предполагает, как уже отмечалось выше, обобществление труда, устранение его разделения. *Общественная собственность предполагает свободную человеческую деятельность по меркам истины, добра и красоты. Последнее и составляет реальную экономическую основу для реального, а не только формального обобществления и реального совпадения частных и общественных интересов всех членов общества.*

Под общей или общественной собственностью не следует понимать собственность коллективных хозяйств и кооперативов, или иных групп людей, которые производят товары и торгуют ими со всем остальным миром. Они не выходят за пределы частной собственности, так как не выходят за пределы товарного производства. С обществом члены таких хозяйств связаны как товаровладельцы и товаропроизводители. Сам характер товарного производства определяет и отношения в этих коллективах, так как ставит производство стоимости во главу угла, делает прибыль целью работы коллектива.

Зародыш общей собственности также не следует искать, например, в собственности семьи. В XIX веке некоторые социалисты представляли себе дело таким образом, будто общественная собственность может получиться путём «разрастания» семейной собственности до масштабов всего общества. Общество представлялось в виде большой семьи с характерными для семьи способами распределения. Но семья – воплощение частного характера присвоения продуктов труда. Она сама в её современной форме есть продукт развития частной собственности. В той мере, в которой в семье осуществляется производство и воспроизводство человека как рабочей силы (человек как экономического агента общества товарного производства), она целиком вписана и полностью воспроизводится по законам движения частной собственности. В той мере, в которой она воспроизводит всех своих членов и является основной потребительской «ячейкой», она целиком и полностью определяется капиталистическим производством. Это экономически предполагается как в форме заработной платы, так и в форме прибыли. Более того, современная семья как хозяйственная единицы не только не исключает, но и прямо предполагает эксплуатацию человека человеком, что несовместимо с коммунизмом. Потому собственность семьи нельзя считать основой общественной собственности – собственности, характерной для коммунизма.

⁴ Именно потому что в СССР общественное разделение труда не было преодолено (тенденция к его преодолению не стала преобладающей), а пролетариат воспроизводился как пролетариат, то есть как класса буржуазного общества, произошла полная реставрация господства частной собственности.

И уж тем более, коммунистическую собственность, которая могла бы быть узловой точкой движения к коммунизму, нельзя увидеть во всякого рода изолированных сообществах, не связанных с общественным производством (например, религиозные коммуны, основанные на натуральном хозяйстве).

Но где же тогда можно увидеть общую собственность характерную для коммунизма? Очевидно, что только там, где есть свободная человеческая деятельность в своей непосредственно-коллективной форме. Такая деятельность, взятая со стороны использования и распоряжения ресурсами, со стороны присвоения при помощи общественной формы и является наличным бытием общей собственности.

В предыдущей главе мы привели лишь некоторые примеры такой коммунистической деятельности в социалистическом и капиталистическом обществе. Если брать эти и другие примеры со стороны волеизъявления по отношению к предмету труда, средствам труда и продукту, речь будет идти о формах общественной собственности и общественном характере присвоения.

Например, общедоступная база данных по своей сути уже не может находиться не в общественной собственности, не говоря уже об общей системе управления экономикой. То же относится и к свободному ПО, и к разнообразным сервисам, предполагающим совместное производство и использование. Существуют также серверы, по совместному использованию ресурсов, которые неэффективно и невыгодно использовать на началах частной собственности, например, общие библиотеки и хранилища для фильмов и музыки, предполагающие, что участники и получают, и раздают продукты на этих сервисах (но пример с ПО и базами лучше, так как здесь речь идёт скорее о производстве, чем о потреблении).

Из сказанного выше видно, что общественная собственность рождается из реального движения производства даже там, где ещё нет формального обобществления средств производства, в условиях капитализма. Формальное обобществление – взятие политической власти пролетариатом и овладением им средствами производства – даст огромный простор для развития реальной общественной собственности. Заметим, что там, где есть реальная, а не только формальная общественная собственность, исчезает почва для того, чтобы пытаться присвоить себе часть общественных ресурсов, или наоборот разбазаривать их, небрежно к ним относиться как к «ничьим».

При формальном обобществлении требуется внешнее регулирование хотя бы в форме моральной сознательности (на самом деле в виде закона и системы принуждения, обеспечивающей его исполнение) в отношении к средствам, предмету и продуктам труда, исключаясь подобные вещи. При реальном обобществлении потребность в таком регулировании отпадает постольку, поскольку культура в отношении к средствам производства становится простым условием их использования.

Необходимый труд и условия для коммунистической деятельности

В коммунистическом обществе жизнь человека не опосредована частной собственностью и обменом товарами, следовательно, она свободна от всего того, что нужно для обеспечения условий существования частной собственности. Это даёт обществу значительные преимущества и сберегает его рабочие силы. В «Эльберфельдских речах» Энгельс приводил ряд примеров, нагляднейшим образом показывающих, сколько человеческого труда может быть сохранено в обществе, где интересы членов не противоположны, а продукты деятельности не превращаются в товары, противостоящие друг другу на рынке.

Труд, необходимый для функционирования рынка, через который распределяются общественные ресурсы, заменяется более эффективным прямым распределением. Это даёт возможность не совершать действий, бессмысленных с точки зрения организации производства в общественном масштабе и не растрачивать на них время жизни людей. Производить упаковку, не нужную с точки зрения простого хранения продуктов, совершать перевозки, связанные с продажами, а не с доставкой конечному потребителю, производить продукты, которые потом окажутся лишними на рынке и не будут проданы, и уж тем более, производить то, что приносит вред человеку, однако приносит огромные прибыли в обществе товарного производства (наркотики и т.п.), - всё это не имеет никакого смысла в обществе, где производство не носит товарный характер.

Уничтожение частного характера присвоения тоже дает колоссальную экономию живого человеческого труда. Это то же самое, что и товарное производство, но рассмотренное со стороны труда, затраченного на доведение до конечного потребления. Примеры быта и транспорта, о которых мы уже писали, прямо-таки кричат о возможности высвобождения большого количества человеческого труда, который сейчас расходуется неэффективным индивидуальным способом.

Современный капитализм требует усилий людей, направленных на поддержание возможности производства прибавочной стоимости. Труда такого типа становится всё больше и больше. Производство прибавочной стоимости с *необходимостью дополняется производством потребления и образа жизни*, нацеленного на потребление тех или иных товаров. Уже одно это показывает возрастающие (и значительно возросшие по сравнению с временами Маркса и Энгельса) возможности для освобождения людей, которые смогут на началах коллективной собственности заниматься производством того, что нужно обществу для его развития.

Общественное время тратится на поддержание существования тех ограничений, которые накладывает на жизнь общества частная собственность, и устранение её последствий, вредных для общества, в том числе и преступлений: полиция, регулярная армия, чиновники, разного рода охранники частной собственности. Все эти рабочие силы тоже могут быть освобождены с преодолением частной собственности на средства производства и перенаправлены на выполнение труда, в котором общество непосредственно заинтересовано.

Всё это уже само по себе, даже на базе уже существующих технологий, снизит необходимое общественное рабочее время и создаст простор для существования

свободного времени для действительной человеческой жизни, то есть собственно для коммунизма.

На движение в направлении коммунизма указывает ещё одна важная тенденция, которая зреет в недрах капитализма и тормозится им только потому, что капитал является господствующим общественным отношением. «Великая историческая сторона капитала заключается в создании этого прибавочного труда, излишнего с точки зрения одной лишь потребительной стоимости, с точки зрения простого поддержания существования рабочего, и историческое назначение капитала будет выполнено тогда, когда, с одной стороны, потребности будут развиты настолько, что сам прибавочный труд, труд за пределами абсолютно необходимого для жизни, станет всеобщей потребностью, проистекающей из самих индивидуальных потребностей людей, и когда, с другой стороны, всеобщее трудолюбие благодаря строгой дисциплине капитала, через которую прошли следующие друг за другом поколения, разовьется как всеобщее достояние нового поколения, - когда, наконец, это всеобщее трудолюбие, благодаря развитию производительных сил труда, постоянно подстегиваемых капиталом, одержимым беспредельной страстью к обогащению и действующим в таких условиях, в которых он только и может реализовать эту страсть, приведет к тому, что, с одной стороны, владение всеобщим богатством и сохранение его будут требовать от всего общества лишь сравнительно незначительного количества рабочего времени и что, с другой стороны, работающее общество будет по-научному относиться к процессу своего прогрессирующего воспроизводства, своего воспроизводства во все возрастающем изобилии; - следовательно, тогда, когда прекратится такой труд, при котором человек сам делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека» - писал Маркс. Мы же добавим, что это было бы завершением всего периода существования и развития общественного разделения труда.

Идея автоматизированной фабрики, появившаяся ещё во времена Маркса, и идея широкого использования возможностей природы при помощи знаний о ней на благо всех людей, охватывает реально существующее тенденции к созданию условий для коммунизма. Коммунизм будет наступать по мере того, как вещи всё больше и больше будут делать работу, которую они могут сделать для человека и без человека, всё меньше и меньше будет несвободного человеческого труда, необходимого для воспроизводства человеческой жизни, и всё больше управление людьми будет превращаться в управление вещами. Каждый человек всё больше и больше времени сможет отдавать свободной игре физических и умственных сил, или, другими словами, на то, чтобы заниматься тем, что ему «по душе», на пользу всего общества. Последнее и составляет сущность коммунистической деятельности.

Историческая роль капитала как существенного общественного отношения для развития производительных сил не может быть выполнена при капитализме. При безраздельном своём господстве капитал постоянно воспроизводит вещный характер труда, то и дело отбрасывая развитие производительных сил назад там, где наметилась тенденция его преодоления. Поэтому наука при капитализме не может окончательно превратиться в непосредственную производительную силу, а при воспроизводстве вещного характера труда воспроизводятся, в том числе, и самые отсталые его формы. Полное уничтожение капитала как общественного

отношения – важнейший вопрос переходного периода к коммунистическому обществу. В этот период нужно сознательно доводить движение капитала по передаче чисто материального производства в ведение машин, до выведения человеческой деятельности за пределы вещного характера труда.

При этом не следует забывать о том, что капитал в то же время воспроизводит и противоположную тенденцию, которая ведёт общество назад к капитализму. Вот с нею, хотя она неразрывно связана с первой, социалистическое общество может и должно открыто бороться, чтобы переход к коммунизму вообще мог состояться. Линия фронта между старым капиталистическим и новым коммунистическим объективно проходит там, где есть налицо все материальные предпосылки, для того, чтобы вещный труд раз и навсегда передать вещам, и там, где этого сделать пока еще нельзя, не доведя труд до крайней степени разделения и создания, таким образом, вещественных предпосылок, чтобы передать его машинам. Там, где возможна полная автоматизация чисто материального производства вещей, капитал как общественное отношение и соответствующий характер труда утрачивает свою актуальность и потому объективно может и должен быть уничтожен. И пока это не будет сделано, капитал все равно будет воспроизводиться как существенное общественное отношение.

Пресловутый вопрос антикоммунистически настроенного обывателя «кто будет мыть унитазы, если каждый будет заниматься любимым делом?» лишается всякого смысла. Его пафос обесмысливается не только потому, что существует огромная разница между тем, чтобы иногда отвлечься от любимого дела для выполнения этой неприятной, но необходимой общественной обязанности, и тем, чтобы быть на всю жизнь прикованным к ней, но и потому, что сейчас уже существуют унитазы, которые сами себя моют. *И только господство частной собственности и то, что рабочая сила уборщиков, то есть время жизни людей, оказывается в этих условиях дешевле вещей, мешает их повсеместному распространению.*

При коммунизме же человек, то есть время и наполненность его жизни, становится наивысшей ценностью, а все вещи имеют значение только постольку, поскольку они обеспечивают действительную человеческую жизнь каждого члена общества. Сам факт того, что живой человек должен время своей жизни тратить на нетворческий труд, который можно передать машинам, невыносим для общества, где человек является наивысшей ценностью. Такое положение вещей должно быть уничтожено, и только после этого можно будет вести речь о коммунизме, развитии на своём собственном основании.

Однако, следует признать, что в переходный период к коммунизму какое-то время необходимый лишённый полной свободы труд будет сохраняться, пока для его упразднения не разовьются соответствующие технологии и они не будут внедрены повсеместно. Но устранение господства капитала позволит ограничить рабочий день необходимым трудом, исключив труд, имеющий смысл только в рамках движения стоимости к самовозрастанию, результаты которого то и дело уничтожаются во время кризисов и просто в качестве «издержек». На первых порах необходимый (в смысле не свободный ещё в полной мере) труд расширит свои рамки. Это нужно для обеспечения общественных фондов и условий для дальнейшего развития. Но общее направление движения общества к коммунизму, включающее и соответствующее развитие производительных сил, предполагает

сведение такого труда ко всё меньшим и меньшим значениям. За известными пределами такой труд можно вообще не брать в расчёт, так как он уже не оказывает сколько-нибудь серьёзного влияния на общий ход человеческой жизни. Самое важное в необходимом труде при переходе к коммунизму, о котором здесь шла речь то, что этот, ещё не до конца свободный труд, является трудом по производству свободного времени и человека, способного действовать свободно в общественном масштабе.

Коммунизм и управление общественной жизнью

Производство и распределение свободного времени в переходный период к коммунизму нуждаются в государстве. Однако, государство необходимо только постольку, поскольку производство свободного времени совпадает с производством и распределением вещей, нужных людям, и поскольку само это производство вещей ещё не осуществляется по-коммунистически. Само же свободное время, выступая, собственно, как свободное (время коммунизма), выходит из-под всякого внешнего по отношению к нему государственного управления.

В пространстве свободного времени государства не существует даже сейчас, при капитализме. Там, где имеет место свободная коммунистическая деятельность, управление осуществляется всеми членами свободной ассоциации людей. При увеличении доли коммунистической деятельности, государство отмирает.

Способствование производству свободного времени и непосредственно-коллективных форм свободной деятельности является актом уничтожения условий для существования классов в переходный период, и в той же мере актом самоуничтожения государства. Государство — это лишь аппарат обеспечения интересов господствующего класса, осуществляющий управление в интересах этого класса, а эта его основная функция отпадает по мере уничтожения классов, в том числе и господствующего.

Задача государства в переходный период, таким образом, сводится к обеспечению ограничения (уничтожения) товарного характера производства и заботе о создании условий для коммунистической свободной деятельности членов общества.

Первая из них возникает и перед капиталистическими государствами. Капитализм постоянно порождает войны, а логика войны требует системы прямого распределения продуктов, предназначенных для личного потребления. Государство, не справляющееся с этой задачей, обречено на уничтожение (или само по себе, как государство, или вместе с населением). Задача налаживания такой системы предполагает в ряде пунктов притеснение отдельных капиталистов в интересах капиталистов как класса, что не всегда может быть осуществлено в полной мере и с достаточной степенью эффективности.

На войне личное потребление — как продуктов питания, так и вещевого довольствия, — не может обеспечиваться в порядке капиталистического частного характера присвоения продуктов труда. Солдат, даже если он наёмник, во время ведения войны должен быть обеспечен своим работодателем, как минимум, оружием, пропитанием и обмундированием. В противном случае армия превращается в разбойничьи шайки. Но эти шайки не способны вести современную войну. Для ведения войны современная армия нуждается в высокотехнологичном оружии, средствах личного потребления, необходимых для воспроизводства живой личности солдата, а также средствах личной защиты. И даже если это всё обеспечивается путём прямого грабежа населения захваченных территорий, это не может быть личным делом отдельных солдат. Это всего лишь условие того, чтобы он мог выполнять свою работу. Но это условие отличается от условий наёмного труда, основанного на частном характере присвоения. Присвоение продуктов труда во всех своих существенных и значительных для

социального воспроизводства индивида моментах в классических капиталистических отношениях купли-продажи рабочей силы вынесено за рамки производства, основанного на наёмном труде. Личное потребление определяется частным характером присвоения продуктов труда, опосредованным деньгами. И это, в свою очередь, гарантирует, что работник снова и снова будет вынужден приступать к труду, для обеспечения себя всем необходимым. На войне дело кардинальным образом отличается. Потребление в этом случае не может быть даже формально отдано на откуп самих индивидов.

Таким образом, современная война это, кроме всего прочего, конкуренция выработанных ещё при капитализме форм нетоварного производства — непосредственного производства человека. Причём здесь имеется в виду и армия как собственно-военная сила, так и трудовая армия, по-разному формирующаяся. Акцент смещается. Если для нормального хода капитализма на первый план выступает то, что человек должен делать своё дело, чтобы жить, то здесь, наоборот, человек должен жить, чтобы делать своё дело. Государство вынуждено брать на себя ответственность за это. Причём, денежно-товарные отношения становятся очевидным препятствием для выполнения этих функций.

Война делает невозможными старые, довоенные способы и формы деятельности людей. Государство в таких условиях объективно усиливается, берёт на себя функции распределения в процессе непосредственного производства человека как в армии, так и в тылу, занимается налаживанием и поддержанием хозяйственных связей. Но государство как аппарат подавления одного класса другим, точнее, подавления меньшинством большинства, в принципе не может решить эти задачи в полной мере, и уж тем более не ставит себе те задачи, которые не служат интересам правящего класса. Но именно такого рода задач (расходящихся с интересами правящего класса) во время войны у общества становится очень много. Они объективно встают перед людьми потому, что от их решения зависит само их физическое существование. Государство эти проблемы часто даже и не берётся решать, оставляя их на откуп разнообразнейшим негосударственным организациям и объединениям людей. Это вынуждает миллионы людей искать новые формы организации, которые бы брали на себя государственные функции. И эти органы общественного самоуправления, берущие на себя функции государства, строго говоря, в своей тенденции и являются, и не являются государством.

Наиболее важная и формообразующая из проблем, решение которых требует новых организационных форм в противовес капиталистическому государству, это предотвращение и прекращение войны, а также минимизация для общества потерь и разрушений, ей вызванных. Реализация этой важнейшей задачи как раз и противоречит интересам капитала, который еще не извлек из войны всех выгод, что мог извлечь. Подчеркнём, что тут может иметь исторический смысл не война сама по себе, не насилие само по себе, а *сопротивление* насилию реакционного класса, осуществляемому группировками этого класса во имя своих корыстных интересов, да еще и руками другого класса. В **сопротивлении** и формах сопротивления (хотя не только в них), а не в войне самой по себе, кроется важнейшая тенденция к самоорганизации на подступах к революции. Без такой самоорганизации, выработанные в рамках капитализма способы непосредственного, не опосредованного вещами-деньгами производства человека

и экономические механизмы их осуществления, не могут стать отправной точкой перехода общества на новые основания развития.

Эти, порожденные тенденцией к войне и самой войной (как противостояние войне) формы самоорганизации для управления общественными являются переходными и могут двигаться в трёх направлениях: 1) интеграция с государством; 2) вырождение-исчезновение (интеграция не всегда означает вырождение); 3) взятие на себя всех функций государства, превращение в новую государственную власть. Эти организационные формы, таким образом, объективно являются к тому же формами классовой борьбы там, где они вынуждены противостоять государству, взяв на себя функции тех или иных государственных органов, а значит, лишить полномочий аппарат политического господства правящего класса. И, если в определённых условиях это фактически облегчение для этих органов, так как сами они выполнять свои функции не могут, то дальнейшее движение по этому пути неизбежно наталкивается на противостояние государства, на попытки ограничить функции и влияние форм самоорганизации населения. Каким будет исход и характер этого противостояния, зависит от конкретных обстоятельств борьбы и действий борющихся сторон.

Если рассматривать историю XX века, то одной из самых эффективных форм самоорганизации, берущих на себя функции государства, были советы. Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов одновременно являлись представительными-законодательными, распорядительными и контрольными органами. И хотя советы возникли еще в 1905 году, реальное их разворачивание в государственную силу, двоевластие, и уж тем более лозунг «Вся власть советам», а также конкретные шаги от лозунга к его реализации могли возникнуть только в условиях политического банкротства старого государства в процессе изнуряющей войны. После Февральской революции банкротство государства как аппарата, претендующего на то, чтобы организовывать жизнь общества, стало очевидным, так как не только царское правительство, но и Временное правительство было бессильно в этом отношении. В то же время поднимались и активно включались в дела как местного самоуправления, так и государственного управления советы. Создавалась ситуация двоевластия как в тылу, так и в армии. В связи с этим особенно важно учитывать возможность в будущем ситуации, которая имела место весной и в начале лета 1917 года. Тогда возможен был мирный путь передачи власти советам как шаг по пути в сторону социальной революции — созданию условий для социализма. И возможность эта существовала благодаря двум обстоятельствам: силе и общественной значимости самих советов, и вооружённости населения в результате войны. Лозунг «Вся власть советам» в то время был констатацией наличия такого мирного пути революции. И только после июльских событий 1917 года мирный путь стал уже невозможен. Но сам факт такой возможности для нас наиболее важен. Ведь если сложатся такие условия, очень важно их не пропустить, тем более с учётом развития современного вооружения мирный путь, вполне может оказаться вообще единственно-возможным для революции.

В современных условиях могут родиться и рождаются другие формы, далеко не всегда связанные с войной, но всегда с необходимостью решить важные общественные проблемы. Суть этих переходных форм везде одна — взятие

населением непосредственно на себя функций государственной власти, тем самым упразднение её в привычном для капитализма смысле.

Теперь перейдём к рассмотрению управления общественной жизнью при коммунизме. Управление общественной жизнью вообще сводится к планированию и корректировке плана с учётом реальных изменений, волеизъявления (распоряжения), учёта и контроля над управляемым процессом, непосредственного вмешательства в случае необходимости.

Планирование при коммунизме – это планирование развития человека, который становится основной целью общественного производства, планирование производства новых отношений между людьми. Такое планирование совпадает с прогнозированием, в том смысле, что самый надежный прогноз, это тот, к осуществлению которого прилагаются планомерные усилия. Все эти функции общество должно научиться выполнять без стоящего над ним органа «управления», а на самом деле угнетения, именуемого государством.

По мере же становления новой коллективности все его функции, которые относятся к производству вещей, должны быть переданы вещам. Государство в переходный к коммунизму период не просто отмирает, оно отмирает только в том случае, если работает на своё отмирание, в той мере, в какой оно заботится о том, чтобы люди обходились без него. Все остатки несвободы, в том числе и способы утилизации времени, с которыми связано существование государства, противостоят свободному времени как пространству человеческого развития, противостоят свободной человеческой деятельности. Там, где осуществима полная свобода, нет места для государства. Но там, где полная свобода ещё невозможна непосредственно, наличие определенного типа государства не только фиксирует факт этой невозможности, но и является инструментом для её преодоления.

Против отмирания государства выдвигается тот же аргумент, что и против снятия разделения труда. Суть его состоит в том, что общественная жизнь становится очень сложной и всё время усложняется, а потому для управления такой сложной жизнью нужна дифференциация функций и специальный аппарат. Но из этой сложности вовсе не следует, необходимость в особых, над обществом поставленных, отрядах чиновников и вооружённых людей. Не будь раскола общества на классы, самодействующая и самоуправляемая ассоциация людей была бы возможна, при всей её сложности, соответствующей уровню сложности общественной жизни, на чём вслед за Марксом и Энгельсом настаивал Ленин.

Тем более, что говоря о коммунизме, мы имеем в виду общество, где преодолено разделение труда, где люди более менее одинаково развиты в отношении здоровья, чувственности, мышления и нравственности, имеют политехническое, научно-теоретическое, универсальное образование на современном необходимом (то есть наивысшем) для общества уровне, а потому в короткие сроки могут осваивать любую частную «профессию» и прикладывать свои силы там, где это нужно, и где это им самим интересно, пусть даже один по преимуществу всю жизнь занимается изучением птиц, а другой балетом.

Но именно поэтому в управлении общественным развитием с использованием достигнутых технологий, опираясь на выработанную человечеством культуру мышления, при коммунизме участвуют все. Это важнейшее условие универсального развития всех членов общества - на протяжении всей жизни **все**

должны уметь управлять и иметь привычку управлять общественными делами – всеми делами, в которых сами принимают участие. Такое общество более реально, чем фантастический классовый мир и «гармонические взаимоотношения» между классами, пропагандируемые современными буржуазными идеологами. Наоборот, марксизм настаивает на том, что само существование государства говорит о том, что этот мир в условиях существования классов невозможен.

Для отмирания государства, должны быть соответствующие социальные и технические предпосылки. Что касается технических предпосылок, то с хорошим общеобязательным политехническим образованием на основе современной техники организовать управление общественными процессами было бы не так уж сложно в обществе, где отсутствует частная собственность (потому важнейшей предпосылкой является формальное обобществление средств производства). Конечно, для этого должны быть сняты общественные барьеры, что тоже требует от общества серьёзной работы и достижимо не сразу. Главное, что чисто технически уже на данном этапе это не представляется невозможным. Вся информация о состоянии производства и распределения во всех сферах общественной жизни в реальном времени, с возможностью прослеживания цепочек до самого начала, учётом ресурсов, потребностей технологических возможностей, возможностями связи и голосований, и т.д., и т.п. от низшего уровня (прямого вмешательства) до наивысшего коллективного принятия решений на уровне как локальных сообществ, так и всего общества, - всё в реальном времени может быть доступно каждому члену ассоциации.

Голосования и другие, привычные нам проявления демократии нужны только на первых порах. При переходе от управления людьми к управлению вещами и процессами необходимость в голосованиях понемногу отпадает, уступая место объективной необходимости, заключённой в вещах и во взаимодействии между ними. На этот момент указывал Ленин в «Государстве и Революции» подробно разбирая наследие Маркса и Энгельса: «Об "отмирании" и даже еще рельефнее и красочнее - о "засыпании" Энгельс говорит совершенно ясно и определенно по отношению к эпохе после "взятия средств производства во владение государством от имени всего общества", т.е. после социалистической революции. Мы все знаем, что политической формой "государства" в это время является самая полная демократия. Но никому из оппортунистов, бесстыдно искажающих марксизм, не приходит в голову, что речь идет здесь, следовательно, у Энгельса, о "засыпании" и "отмирании" демократии. Это кажется на первый взгляд очень странным. Но "непонятно" это только для того, кто не вдумался, что демократия есть тоже государство и что, следовательно, демократия тоже исчезнет, когда исчезнет государство. Буржуазное государство может "уничтожить" только революция. Государство вообще, т. е. самая полная демократия, может только "отмереть".

В современную эпоху бурного развития технологий, организация отмирания государства не представляется таким уж сложным делом чисто с технической стороны. Учёт и контроль в деле управления вещами и процессами в таких условиях становится делом техники, а его результаты доступными каждому. В этом деле отпадает необходимость иерархии и исчезает предпосылка для того, чтобы эти функции могли выделиться функциям в отдельную профессию. При внедрении автоматических систем для управления при обеспечении полной доступности к базам данных для каждого и работы с ними исчезает необходимость

в «особой армии чиновников», которые могли бы даже «по-видимости» стоять «над», обществом как особый «аппарат».

Таким образом, будет решена одна из важнейших задач перехода к социализму – налаживание учёта и контроля, на важности которой постоянно настаивал Ленин «Учёт и контроль - вот главное, что требуется для «налажения», для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества». Речь идёт о таком учёте и контроле над общественным производством, организация которого уже сама по себе означает организацию новых форм коллективности «Если действительно все участвуют в управлении государством, тут уже капитализму не удержаться. И развитие капитализма, в свою очередь, создаёт предпосылки для того, чтобы действительно все могли участвовать в управлении государством. К таким предпосылкам принадлежит поголовная грамотность, осуществлённая уже рядом наиболее передовых капиталистических стран, затем «обучение и дисциплинирование» миллионов рабочих крупным, сложным, обобществлённым аппаратом почты, железных дорог, крупных фабрик, крупной торговли, банковского дела и т. д. и т. п.»

Мы же можем ещё раз акцентировать, что к таким предпосылкам относится уже теперь развитие компьютерной техники, и заложенные в ней возможности, которые в принципе не могут быть использованы при капитализме, когда нет единого общественного хозяйства, а связь между производителями осуществляется через рынок. Эти возможности в организации управления общественной жизнью исследовал в своих разработках Виктор Михайлович Глушков, разрабатывающий Общегосударственную систему управления экономикой в СССР. Глушков рассматривал управление общественным производством в целом, при помощи управляющих систем, где каждый имеет доступ к подробнейшей картине производства в реальном времени, а там, где человеческие решения не нужны, система действует автоматически по заранее заданным людьми схемам в соответствии с общественными целями.

Чем больше будут развиваться технологии, тем проще будет организовать управление и обеспечить участие в нём всех членов общества. Что касается содержательной стороны, то она требует соответствующего развития членов общества. Сложность состоит в том, что начинать движение к коммунизму нужно не с людьми коммунистического завтра, а с людьми, сформировавшимися в условиях разделения труда, преодолевающими свою ограниченность посредством образования и коллективной деятельности.

Политехническое образование становится необходимостью для членов свободной ассоциации. Идея политехнизма довольно хорошо разработана, так что мы вполне можем отослать читателя к соответствующей литературе. Здесь же отметим только, что для управления общественными процессами члены общества должны обладать целостной научной картиной мира и универсальным умением применения своих знаний. Современному чиновнику для выполнения своей функции научная картина мира даже в первом приближении совершенно не нужна, поэтому она у него сама собой исчезает, как что-то излишнее, даже если когда-то была. Чиновник - всего лишь живая частичная деталь устаревшей государственной машины. «Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей,

отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором", - говорил Энгельс.

Конечно сама задача по управлению общественными процессами в такой ассоциации, и по сознательному построению общественной жизни будет требовать от людей очень многого, в том числе развитого диалектического мышления, развитой чувственности, нравственности, соответствующего уровня грамотности. Но это не недостижимые высоты, доступные только для избранных, а то, что в соответствующих условиях станет достоянием каждого. По мере включения людей в активную общественную жизнь, как субъектов этой жизни, они будут выходить на передний план человеческой культуры. Так мы понимаем знаменитый афоризм Ленина о том, что каждая кухарка должна научиться управлять государством. Препятствием для этого выступает только способ деятельности современных людей, который превращает одного человека в государственного чиновника, а другого в кухарку.

Коммунистическое общество это - свободная ассоциация людей, управляющая своим собственным развитием по разумному плану.

Как именно она будет самоуправляться, с помощью каких именно средств и организационных мероприятий? На этот вопрос мы ответить не можем. Это - дело этой ассоциации, которая будет вынуждена с необходимостью развивать соответствующие организационные формы в конкретных исторических условиях. Самоуправление будет развиваться вместе с развитием коммунистического общества.

Коммунизм и личность

Проблема личности – одна из центральных проблем коммунизма. Значение личности при коммунизме возрастает до невиданных до сих пор высот. «На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» - писали Маркс и Энгельс в «Манифесте коммунистической партии».

Всю предшествующую историю нужно понимать не просто как определенную последовательность событий, а как процесс становления сущности человека. Тогда становится ясно, что это в тоже время процесс становления определенного типа личности, отвечающей сущности человека. Какой должна быть эта личность? Этот вопрос каждый раз будет решаться практически и конкретно-исторически, но в любом случае это личность, сознательно творящая историю в коллективе таких же личностей-творцов. В свободной ассоциации людей вся их жизнь зависит от творческой деятельности, которая является наивысшим проявлением личности, её осуществляющей.

Личность – явление социальной природы от начала и до конца. Личностью индивид не рождается, а становится, включаясь в общественные отношения как активно действующий субъект. Первоначально человеческая жизнь задается новорожденному извне – из социального пространства, в котором он живет, со всеми вариациями отношений человека к человеку и человека к природе. И только освоив, то есть сделав своими, формы деятельности или, что то же самое, формы культуры, которые никоим образом в индивиде изначально не заложены, он становится личностью. Эти формы каждый, кто появляется на свет, застает уже готовыми. Для биологического организма они являются внешними, но только для организма, а не для личности. Мир деятельности как мир человеческой культуры – это действительный мир личности. В коммунистическом обществе этот мир каждый должен сделать своим, а это значит - научиться изменять его.

Коммунистическая личность в своей практике будет активно творить общественные отношения, а не просто быть их пассивным продуктом. Проблема состоит в том, чтобы создать такие условия, в которых в своем индивидуальном развитии личность прошла бы в кратчайшие сроки путь становления общества и вышла на передний край общественной жизни. Нужно каждый раз искать и находить конкретные формы коллективности, которые бы связывали личность с обществом таким образом, чтобы она не могла бы не быть его активным членом и не жить всей полнотой общественной жизни. Поскольку общество постоянно развивается, такие формы «совместно-раздельной деятельности» не могут быть найдены один раз и навсегда. Управление общественным развитием при коммунизме состоит, главным образом, в том, чтобы научиться вовремя менять формы связи человека с обществом таким образом, чтобы они заставляли его действовать по-человечески в любых новых конкретно-исторических условиях.

Коммунистам вменяют в вину, то, что они хотят стандартизировать личность, сделать людей «одинаковыми». В этом обвинении сторонники капитализма, на самом деле выдают тайну современного капиталистического общества. Индивиды при капитализме в своей массе получают настолько стандартизированными, что их индивидуальность определяется какими-то пустяками. Эта дурная

индивидуальность не имеет отношения к истинной индивидуальности, как индивидуальному выражению освоенной человеком всеобщей человеческой культуры. Капитализм включает людей в стандартные практики производства и потребления, стандартизирует их проведение как во время работы, так и вне её. Люди уже «одинаковые». Коммунизм же предполагает создание общественного пространства для развития индивидуальности.

Коммунисты видят необходимость в создании общества универсально-развитых личностей-творцов. В таком обществе индивидуальность каждого будет деятельным выражением и воплощением общественного развития. В каком смысле здесь можно говорить о стандартах?

Очевидно, человек не может быть универсальным творцом, не освоив необходимого для этого минимума человеческой культуры, и, соответственно, следует говорить о минимуме условий, который общество должно обеспечить каждому своему члену, чтобы он мог быть универсальным творцом, должен быть минимальный стандарт этих условий. В чем состоит этот самый минимум?

Сюда входят: определенный уровень развития системы здравоохранения, и именно направленной на сохранения здоровья и создания условий для здоровой жизни каждого человека, а не просто лечения болезней; качество и уровень образования, обязательный для каждого; система общественного питания и вообще всех общедоступных служб, которые могут уничтожить быт; обеспечение детства и старости. В одной из своих работ Ленин писал, что социализм начинается со стакана молока для каждого ребенка. Ясно, что наличие этого стакана еще не говорит о том, что общество развивается в направлении коммунизма, но вот без того, чтобы дети были сытыми, оно точно развиваться в этом направлении не может. Так же, как и не может развиваться без всего вышеперечисленного (список, конечно, не полный. Его разработкой должны заниматься люди, разбирающиеся в разных областях и по мере развития общества он будет расширяться).

Этот минимум человеческого отношения к человеку не может быть раз и навсегда установившимся. Он изменяется в зависимости от условий, в которых происходит переход: от уровня развития человеческой культуры. В современный минимум, который был бы толчком для развития общества к коммунизму, обязательно должно входить высшее образование, включающее не только компьютерную грамотность на уровне программирования, но и научные основы понимания всех производственных процессов - политехнизм (для всех!). Также обязательным является обеспечение доступа ко всем современным средствам коммуникации.

Важно отметить, что даже самые развитые капиталистические страны не могут похвастаться поголовной грамотностью всего населения и доступностью медицинского обслуживания.

Необходимый минимум человечности в отношении к человеку, как уже говорилось, вещь историческая. Но этот минимум также должен включать необходимость его постоянного расширения. Чтобы коммунистическое общество, где свободное развитие каждого является условием развития всех, могло существовать и развиваться, в этот минимум должны постоянно включаться все новые передовые достижения человечества. Коммунистическое общество будет состоять из умных, здоровых и талантливых людей, которые, в конце концов, только и могут организовать общественное воспроизводство своей жизни на разумных началах.

Коммунизм и семья

«Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны - производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой - производство самого человека, продолжение рода. Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обуславливаются обоими видами производства: степенью развития, с одной стороны - труда, с другой - семьи», - писал Фридрих Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

В предыдущих главах мы говорили о том, что при коммунизме производство жизненно необходимых предметов автоматизировано и подчинено производству человеческой жизни во всей её полноте. Общество сознательно творит своё собственное развитие, свои собственные формы коллективности, расширяя содержание свободной деятельности. Семья, как хозяйственная ячейка, основанная на частном характере присвоения продуктов труда, утрачивает своё значение и исчезает в переходный период. «Частное домашнее хозяйство превратится в общественную отрасль труда», - писал Энгельс. Выше мы видели насколько это экономит общественное время, освобождая людей от тягот быта. Однако обобществление касается не только потребления.

Главный переворот в области семейных отношений состоит в общественном воспитании детей. Этот переворот давно назревает, и движение в этом направлении есть уже при капитализме. Домашнее хозяйство начало «обобществляться», быт давно во многом стал отраслью общественного хозяйства. Мы готовим еду в основном из полуфабрикатов, покупаем одежду в магазине, стираем её в прачечной, хотя совсем недавно это было женским делом, совершающимся в домашних условиях. Современному мужчине тоже не нужно носить воду, колоть дрова, и строить дом, в котором живёт семья. Всё это давно является общественным высокотехнологичным делом.

Но вот воспитание детей все никак не превратится в сферу производства, хотя общественные заведения для этого появились давно, а активно развиваются уже не меньше двух столетий. И всегда те, кто побогаче, отдавал детей именно туда, нанимал частных преподавателей, а сам лишь получал удовольствие от семейного уюта. Также и в Советском Союзе – одним из первых достижений, о которых с такой гордостью говорили социалистические трудящиеся, это организация яслей и детских садов при фабриках. То есть потребность отдать воспитание детей тем, кто это умеет, выиграть свободное время для того, что считаешь действительно нужным и важным (для кого-то, кстати, это и воспитание детей, почему нет) – в этом едины и бедные, и богатые, с некоторыми лишь различиями мещанско-поэтического характера. Капитализм давным-давно рушит традиционную семью, и этот процесс не имеет моральных корней, но только экономические. В настоящий момент пропаганда семейных ценностей обусловлена с одной стороны, достижениями социалистических революций, запретивших эксплуатацию детского труда, а с другой – потребностью капитала в рынке детских товаров и

образования. Но действительной исторической, общественной необходимости в сохранении семьи в нынешней форме хозяйственной ячейки нет.

Итак, с переходом общества к коммунистическим отношениям, сфера воспитания детей станет сферой общественного производства. Воспитание становится подлинным социальным творчеством - свободной деятельности по меркам истины, добра и красоты. Это во много раз повышает ответственность воспитателей и перед детьми, и перед обществом в целом. Как писал когда-то А.С. Макаренко: «Никаких детских катастроф, никаких неудач, никаких процентов брака, даже выраженных сотыми единицы, у нас быть не должно!» В ряде работ он сравнивал воспитание с другими отраслями и показывал, насколько неудача здесь опаснее, чем где бы то ни было. Говоря о семье, Антон Семенович замечал, что задача родителей – вырастить достойных членов общества, за «качество поставляемого материала» они несут перед обществом ответственность, получая взамен теплоту семейных отношений. Но ведь далеко не все родители умеют воспитывать детей. Вдобавок далеко не у всех детей есть родители или просто полноценная семья уже сейчас. В этом заключается необходимость в сознательном, качественном обобществлении воспитания, в создании иных форм «семьи».

Коммунистическая «семья» - это коллективная форма, в которой каждый причастен к производству общественной жизни в общественных же масштабах. Из этого ясно, что размеры «семьи» могут варьироваться, и уж точно она не может замыкаться в современных рамках. Размеры зависят от многих конкретно-исторических условий общественного производства, а потому будут возможны различные варианты, как в рамках одной эпохи в развитии коммунистического общества, так и в его истории. Поскольку такая «семья» как первичный коллектив становящегося человека будет основана на общественном характере деятельности и непосредственно определяться им, это значит, что принцип создания таких коллективов тоже будет непосредственно-общественным - качественно иным, чем сейчас. Речь идёт об уничтожении современного брака как формы, тем более, что половые отношения и половая любовь и брачно-хозяйственные отношения — это далеко не одно и то же. Поэтому одним из важнейших и непреходящих практических открытий А.С. Макаренко было то, что новая «семья» должна напрямую включать каждого человека в общественное производство, как активного члена общественного трудового коллектива, а не как потребителя общественных благ или как «объект» воспитания.

Отслеживая быстрые, порой незаметные невооружённому глазу изменения в этой сфере в первые же годы Великой Октябрьской социалистической революции, Александра Коллонтай в своей работе «Дорогу крылатому Эросу!» попыталась увидеть и спрогнозировать тот тип личных, а точнее отношений половой любви, который утвердится при полной победе общественной собственности над частной, при развитии новых общественных институтов и при внедрении элементов инфраструктуры, способной разгрузить материнство, всё более превращая его в отрасль общественного производства.

Новый быт, там, где он был налажен (не только в СССР), действительно раскрепостил женщин в невообразимых для всего остального мира масштабах, дал время не только на саму любовь и «ухаживания», но и на переосмысление любви. Такие новые, уже частично коммунистические отношения описаны и в

художественной литературе времён индустриализации, как в прозе самой Александры Коллонтай («Василиса Малыгина», «Большая любовь»), так, например, у Ильи Эренбурга в романе «День второй».

Утверждение коммуны без регистрации брака (брак без регистрации стал в 1920-1930-х нормой, регистрация - наоборот, признаком недоверия в паре) там, где до этого царствовала семья патриархального типа, конечно, было сильным опережением событий. Но это было революцией в самовосприятии любящих, влюблённых, семейных, разведённых. Не брак как жизнь для двоих, ради двоих, а семейная жизнь, непосредственно определяемая целями бурно растущего и развивающегося общества, ближайшего (трудового) коллектива – вот реальная повестка любви, выражающая тенденцию к коммунизму.

Семья как зона любви и связанной с ней ответственности в капиталистическом обществе – «зона повышенного риска». Супруги обречены в стенах своего жилья переживать всё то, что запрограммировано отношениями частной собственности, вопросами достатка, заработка, трат и прочей прозы жизни. Но коммунизм и есть устранение таких проблем.

Динамика отмирания и прежней семьи, и государства как такового, сложна. Однако, полумеры социализма тут бессильны: из коммун-общежитий студенты, молодые специалисты, всё же оказывались в квартирах, в семьях, в старых рамках, но с новым соцобеспечением. Мотивы перерастать прежние ячейки «сот» - растерялись в обществе, где денежно-товарные отношения опять отвоевывали себе господствующее положение. За рывком в коммуну последовал закономерный и тоже будто бы временный возврат к патриархальности. Снова забота только родителей, а не всего коллектива или общества, выходила в воспитании на первый план. А ведь намечались не только «сыны полка» (война вносила коррективы), но и дети коммун.

В этих «детях коммун» и воплощался один из важнейших моментов для становления коммунизма. При переходе к коммунизму дети должны перестать делиться на своих и чужих. Не существует чужих детей (то есть детей, о которых должен заботиться кто-то другой, но не я) в громадном коллективе, где сняты проблемы «счётчика» личного трудового вклада.

Оказываясь изначально в коллективе, где много мужчин и женщин, дети, различая отца и мать, не будут видеть «край и конец света» там, где мама и папа заканчиваются и начинаются «соседи». Через естественную в коммуне социализацию, через повседневное ощущение на себе заботы коллектива, дети перестанут «доигрывать в песочнице частной собственности». Уход от старого брака позволит избежать ряда пережитков, воспроизводимых в психике, в сознании отцов и матерей, а не только детей. Смена парности в большом и дружном коллективе перестаёт быть чем-то травмирующим, если между членами пары уже нет любви. Вообще при отсутствии общественных экономических барьеров, всё сугубо личное (в том числе и интимное) только и может стать подлинно личным, но не противостоящим общественному, освободившись от хозяйственных, правовых и моральных оков.

Новая «семья» сама должна стать непосредственно-коллективной формой коммунистической деятельности по созданию нового человека, непосредственно связывающая всех её членов, включая детей с обществом как деятельных субъектов.

Коммунизм и общественное сознание

С точки зрения марксизма, совершая материальное производство общество производит своё собственное сознание. Человечество знает различные исторически сложившиеся формы общественного сознания. Из мифологического сознания, где идеальное ещё не отделено, или на разных стадиях не вполне отделено от непосредственной материальной деятельности, с развитием разделения труда и отчуждения человека от своей собственной деятельности выделяются философия и религия, затем искусство и наука. Наряду с ними существуют мораль и право, выделившиеся тогда, когда общество стало нуждаться во внешнем регулировании взаимоотношений между людьми с противоположно направленными интересами. Общественное сознание — это не сумма сознаний отдельных индивидов, а сознание общества как целого, отделившееся от непосредственной человеческой деятельности, её идеальное измерение. И наоборот, индивидуальное сознание — это то же общественное сознание, приобретенное человеком в зависимости от его места и роли в общественной жизни.

Общественное сознание и его формы обладают по отношению к членам общества объективным существованием. Чтобы жить в человеческом обществе, с требованиями и установками морали, права, религии, науки и даже искусства и философии люди вынуждены считаться точно так же, как и с окружающей природой и уровнем развития технологий. В общественном сознании отражено и выражено не нечто произвольное, а способ взаимодействия человека с природой и человека с человеком. Общественное сознание и все его формы - не непосредственный продукт природы, а продукт её освоения человеческим обществом, отражённый способ производства.

Факт отделения общественного сознания от непосредственной деятельности и приобретение его формами относительно-самостоятельного существования, а также его принудительный обязательный характер, по отношению к членам общества, был зафиксирован задолго до Маркса. Он лежит в основе не только религиозного миропонимания, но и всей идеалистической философии.

Становление идеи коммунизма требовало критики как самого этого факта, так и того, как он интерпретируется в теоретическом мышлении. Критика общественного сознания не просто своей эпохи, а общества, где господствует эксплуатация человека человеком вообще, сыграла важнейшую роль в становлении идейного содержания коммунизма.

Марксизм, как известно, прошёл школу критики философии Гегеля и Фейербаховской критики христианской религии - формы общественного сознания, которая была господствующей в Европе на протяжении Средних Веков и продолжает претендовать на господство и в буржуазном обществе. До какой степени серьезно Маркс относился к фейербаховской критике религии видно из того, что он говорит ни больше ни меньше как о подвиге Фейербаха. В чем же по отношению к нашему вопросу, согласно Марксу, состоит этот подвиг?

«1) в доказательстве того, что философия есть не что иное, как выраженная в мыслях и логически систематизированная религия, не что иное, как другая форма, другой способ существования отчуждения человеческой сущности, и что,

следовательно, она также подлежит осуждению (это - очень важное замечание, относящиеся к философии как к форме общественного сознания);

2) в основании истинного материализма и реальной науки, поскольку общественное отношение "человека к человеку" Фейербах также делает основным принципом теории».

Это достоинства концепции Фейербаха, но она не до конца последовательна, и Маркс специально отметил это:

«Фейербах исходит из факта религиозного самоотчуждения, из удвоения мира на религиозный, воображаемый мир и действительный мир. И он занят тем, что сводит религиозный мир к его земной основе. Он не замечает, что после выполнения этой работы главное-то остается еще не сделанным. А именно, то обстоятельство, что земная основа отделяет себя от самой себя и переносит себя в облака как некое самостоятельное царство, может быть объяснено только саморазорванностью и самопротиворечивостью этой земной основы. Следовательно, последняя, во-первых, сама должна быть понята в своем противоречии, а затем практически революционизирована путем устранения этого противоречия. Следовательно, после того как, например, в земной семье найдена разгадка тайны святого семейства, земная семья должна сама быть подвергнута теоретической критике и практически революционно преобразована».

Земная жизнь человека - материальное производство - таким образом, становится для Маркса тем предметом, который стоит изучать, чтобы понять сущность земных корней сознания. «Религия сама по себе лишена содержания, её истоки находятся не на небе, а на земле, и с уничтожением той извращенной реальности, теоретическим выражением которой она является, она гибнет сама собой». (Маркс — Арнольд Руге в Дрезден (30 ноября 1842 г.)

То же самое относится и к другим формам общественного сознания: уже упомянутая философия, мораль, право, и даже наука и искусство, должны быть поняты как стороны человеческой практики из неё самой, из её характера и содержания, а не из самих себя. В марксизме чётко разделяется базис общественных отношений - единство производительных сил и производственных отношений - и производная от них надстройка, к которой относится общественное сознание.

Например, о праве Маркс в подготовительных рукописях к капиталу пишет следующее: «Если эти тривиальности (представление о праве современных Марксу экономистов - ред.) свести к их действительному содержанию, то они скажут больше, чем знают их проповедники. А именно, что каждая форма производства порождает свойственные ей правовые отношения, формы правления и т. д. Грубость и отсутствие понимания в том и заключается, что органически между собой связанные явления ставятся в случайные взаимоотношения и в чисто рассудочную связь. Буржуазным экономистам мерещится только, что при современной полиции можно лучше производить, чем, например, при кулачном праве. Они забывают только, что и кулачное право есть право и что право сильного в другой форме продолжает существовать также и в их «правовом государстве».

«Земные корни» общественного сознания должны быть не только поняты, но и изменены - изменен характер общественного производства. И то, что формы общественного сознания произрастают из способа общественного производства, свидетельствует о том, что с ними дела обстоят вовсе не так просто, как может показаться на первый взгляд. Например, полностью снять право, преодолеть необходимость его как внешнего регулятора можно только в определённых общественных условиях - при коммунизме, развитом на своём собственном основании. То же самое относится и к преодолению религии. Её нельзя просто отменить, объявив ложной. Её нужно снять, сохранив все достижения человеческой культуры, которые развивались в религиозной форме, уничтожив путем коренного изменения характера ежедневно совершающейся человеческой деятельности.

Конечно, в маленькой брошюрке об общественном сознании при коммунизме мы можем говорить только в общих чертах. Но даже в этом случае следует отметить одно важнейшее обстоятельство, относящееся к предшествующему коммунизму обществу, разделённому на классы. Точно так же, как люди занимают разное положение в процессе производства, соответствующее их классовой принадлежности, так и общественное сознание носит классовый характер. Это не значит, что не существует единого поля сознания и объективных, независимых только и исключительно от классовой позиции её носителя, истины, добра и красоты. Это значит, что само это поле сознания, является полем классовой борьбы. Это значит, что господствующий экономический класс господствует также и в сознании. Что сознание господствующего класса является господствующим в классовом обществе. Поэтому Ленин вслед за Марксом и Энгельсом говорит о важности борьбы на поле сознания – о теоретической борьбе, как об особом виде классовой борьбы.

В брошюре «Что делать?» Ленин посвятил целый пункт значению теоретической борьбы пролетариата и точке зрения Энгельса на этот вопрос. Очень актуальными на сегодняшний день нам представляется следующее замечание Ленина: «Кто сколько-нибудь знаком с фактическим состоянием нашего движения, тот не может не видеть, что широкое распространение марксизма сопровождалось некоторым принижением теоретического уровня. К движению, ради его практического значения и практических успехов, примыкало немало людей, очень мало и даже вовсе не подготовленных теоретически. Можно судить поэтому, какое отсутствие такта проявляет «Раб. Дело», когда выдвигает с победоносным видом изречение Маркса: «каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ». Повторять эти слова в эпоху теоретического разброда, это все равно что кричать «таскать вам не перетаскать!» при виде похоронной процессии. Да и взяты эти слова Маркса из его письма о Готской программе, в котором он резко порицает допущенный эклектизм в формулировке принципов: если уже надо было соединяться — писал Маркс вожакам партии — то заключайте договоры, ради удовлетворения практических целей движения, но не допускайте торгашества принципами, не делайте теоретических «уступок». Вот какова была мысль Маркса, а у нас находятся люди, которые, во имя его, стараются ослабить значение теории! Без революционной теории не может быть и революционного движения. Нельзя достаточно настаивать на этой мысли в такое время, когда с

модной проповедью оппортунизма обнимается увлечение самыми узкими формами практической деятельности.»

Обращаясь к наследию Энгельса, Ленин приводит большую цитату, которую мы считаем нужным также привести и здесь:

«Немецкие рабочие имеют два существенных преимущества перед рабочими остальной Европы. Первое — то, что они принадлежат к наиболее теоретическому народу Европы и что они сохранили в себе тот теоретический смысл, который почти совершенно утрачен так называемыми «образованными» классами в Германии. Без предшествующей ему немецкой философии, в особенности философии Гегеля, никогда не создавался бы немецкий научный социализм, — единственный научный социализм, который когда-либо существовал. Без теоретического смысла у рабочих этот научный социализм никогда не вошел бы до такой степени в их плоть и кровь, как это мы видим теперь. А как необъятно велико это преимущество, это показывает, с одной стороны, то равнодушие ко всякой теории, которое является одной из главных причин того, почему английское рабочее движение так медленно движется вперед, несмотря на великолепную организацию отдельных ремёсел, — а с другой стороны, это показывает та смута и те шатания, которые посеял прудонизм, в его первоначальной форме у французов и бельгийцев, в его карикатурной, Бакуниным приданной, форме — у испанцев и итальянцев.

Второе преимущество состоит в том, что немцы приняли участие в рабочем движении почти что позже всех. Как немецкий теоретический социализм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна — трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно, — так немецкое практическое рабочее движение не должно никогда забывать, что оно развилось на плечах английского и французского движения, что оно имело возможность просто обратить себе на пользу их дорого купленный опыт, избежать теперь их ошибок, которых тогда в большинстве случаев нельзя было избежать. Где были бы мы теперь без образца английских тред-юнионов и французской политической борьбы рабочих, без того колоссального толчка, который дала в особенности Парижская Коммуна?

Надо отдать справедливость немецким рабочим, что они с редким умением воспользовались выгодами своего положения. Впервые с тех пор, как существует рабочее движение, борьба ведется планомерно во всех трех ее направлениях, согласованных и связанных между собой: в теоретическом, политическом и практически-экономическом (сопротивление капиталистам).»

Это место показывает отношение Энгельса к теоретической борьбе. Но классовая борьба в области общественного сознания не исчерпывается одной теоретической борьбой, точно так же, как и общественное сознание не ограничивается понятийным мышлением. Борьба ведётся и в области эстетической деятельности, и в области морали, и по отношению к праву и религии. Этого тоже нельзя недооценивать. Однако, теоретическая работа по приобретению и развитию пролетариатом своего собственного классового

сознания является ключом ко всем остальным формам сознания, поскольку позволяет их понять.

Важно также отметить, что в классовом обществе в общественном сознании, вне зависимости от того понимают это люди или нет, общечеловеческое реализуется через классовое. Сознание революционного класса, выражающего на данном историческом этапе общечеловеческий интерес, и является движущей силой истории, и реализует это общечеловеческое. В этом смысле не только мораль, религия и философия, право, но и наука и искусство являются также и идеологией, поскольку и эстетическое освоением мира в искусстве, и познание в науке, обусловлено, а значит и ограничено, (свобода, которая присутствует в нем, ограничена) историческим движением общества и расстановкой сил в классовой борьбе.

В связи с этим хотелось бы обратиться к решению проблемы о субъекте мышления Марксом и Лениным. Нужно напомнить о том, что Маркс делил политическую экономию на классическую и вульгарную, избрав для этого совершенно определенный критерий. Он указывает на то, что классическая политэкономика была этапом развития понимания своего предмета, в отличие от вульгарной. Он четко определяет партийность, то есть классовость этой науки. И классическая, и вульгарная политическая экономия - наука буржуазная, стоящая на службе у буржуазии и выражающая в теории направление ее развития. Как только это развитие перестает совпадать с развитием общества, перестает воплощать это развитие, другими словами, буржуазия перестает быть революционным классом, политическая экономия становится вульгарной. Это означает, что она уже не является развивающейся мыслью, а наоборот становится преградой на пути развития мысли.

Разумеется, дело тут не в личных качествах отдельных политэкономов. Маркс убедительно показывает, что субъектом мышления являются не отдельные теоретики и не общество в целом, а именно класс. Более того, он является субъектом мышления только до тех пор, до каких он является субъектом исторического действия.

Ту же мысль мы находим и у Ленина, когда он говорит о партиях в философии, которых может быть только две: мыслящая партия, и партия, препятствующая мышлению. И именно потому, что одна партия - это партия класса, который является субъектом исторического действия, а значит, и субъектом мышления, а другая не является таковой. Это касается не только философии, но ВСЕХ без исключения наук, в том числе и естественных. Хотя там это не так очевидно, но, например, получить финансирование не приносящих даже в перспективе плодов, исследования становится настолько трудно, что это вполне можно рассматривать как эпизоды завуалированной классовой борьбы. Это остается актуальным до тех пор, пока развитие общества осуществляется через борьбу классов. Получается, что объективная истина всегда тенденциозна, имеет классовый характер. То же относится к объективности добра и красоты.

Ленин в сентябре (августе по старому стилю) 1917 года высказал хорошо известную и, на наш взгляд, очень важную мысль в духе написанного выше, показывающую, как в революционные эпохи пролетариат относится к своему классовому сознанию, учитывая, что цель пролетариата, в отличие от других

классов заключается вовсе не в том, чтобы завоевать и упрочить свое классовое господство, а в том, чтобы завоевав это господство уничтожить всякое классовое господство и всякое деление общества на классы вообще:

«Будем непреклонны,» - говорит Ленин, - «в разборе малейших сомнений судом сознательных рабочих, судом своей партии, ей мы верим, в ней мы видим ум, честь и совесть нашей эпохи, в международном союзе революционных интернационалистов видим мы единственный залог освободительного движения рабочего класса».

«Господство класса невозможно без господства его в области сознания», - подчеркивает Ленин. Чтобы победить, революционный класс в области сознания должен мерить себя не чужой мерой, а своей, определяемой его исторической миссией. Вырвав у буржуазии господство в этой области, вооружившись передовыми достижениями своего собственного классового сознания, пролетариат становится действительной материальной силой исторических преобразований: «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой, но теория становится материальной силой, как только она овладевает массами», - писал Маркс в «К критике гегелевской философии права».

Однако, до сих пор мы говорили об общественном сознании не при коммунизме, а о положении дел от которого нужно отталкиваться при переходе к нему. На чём же по отношению к общественному сознанию настаивает коммунизм как наука?

Коммунизм настаивает на преодолении общественного разделения труда, отчужденности человека от других людей, от процесса и результата своей деятельности. А это влечёт за собой и соответствующие изменения в области общественного сознания. Отчуждённость форм общественного сознания как друг от друга, так и непосредственно от человеческой деятельности, тоже будет преодолена.

Идеальные деятельные способности человека, которые «замкнуты» в рамках форм общественного сознания, как отделённых от материального производства сферах эстетической, нравственной и интеллектуальной деятельности, станут достоянием всех и каждого.

Вопрос об общественном сознании при коммунизме - это вопрос практики. Это вопрос планирования и реализации запланированного в материальной деятельности так, чтобы происходили соответствующие изменения и в духовной сфере. Изменяя свою деятельность, люди изменяют и своё сознание как идеальную сторону этой деятельности. Но само изменение практики носит при коммунизме сознательный характер. Потому здесь уже не просто общественное бытие определяет общественное сознание, а общественное сознание, как сознание согласованно-действующей свободной ассоциации людей, определяет бытие, определяющее это сознание.

Обобществление всей духовной культуры, причем по логике этой культуры, становится острой необходимостью для перехода к коммунизму. Поэтому и в теории коммунизма проблемы общественного сознания имеют смысл только при условии, если понимать их как вопросы становления коммунизма.

В коммунистической деятельности, в отличие от отчуждённого труда, идеальное как соответствующее идеалу и идеальное как относящееся к «миру идей», в конечном счёте (именно в конечном счёте), эмпирически совпадают. Идеальное, таким образом, выступает и как отражение (представление, выражение), материального в материальном - деятельное отражение объективной реальности, и как идеальная цель деятельности, с которой она должна соотноситься, и как эстетический идеал. В этом заключается важнейший момент преодоления разделения труда, его отчуждённости во всех смыслах слова, и утверждается самоценность деятельности вне зависимости от того, что именно делается.

Здесь следует отметить, что неверно было бы утверждать, что сознательный и материальный моменты человеческой деятельности равноправны в труде как таковом, вне зависимости от его исторической специфики, и уж тем более, на уровне деятельности общества как целого. Конечно, идеальный момент присутствует в любой деятельности как момент целеполагания, если только целеполагание не лежит за пределами этой деятельности (для работника, который только продаёт рабочую силу, его собственная цель вовсе не совпадает с целью производства), но речь идёт о другом. В любом случае, способ производства материальной жизни определяет способ производства идеального. И с этим приходится считаться.

Это важно в практическом плане, потому, что, хотя идея и становится материальной силой, когда она овладевает массами, сама она есть результат осознания материальных сил в процессе их действия (результат и сторона взаимодействия материального с материальным). Другими словами, чтобы изменить способ производства идей, нужно изменить способ производства материальной жизни. Только так, а не наоборот. Наоборот ничего не выйдет.

Например, сколько бы мы сейчас не пропагандировали (то есть, действовали идеально) диалектику, она не станет от этого обыденным мышлением, а производство диалектического мышления пока так и будет кустарным, если можно так выразиться, делом. Эта кустарщина, конечно, очень важна, и от неё во многом зависит будущее. Но мы должны понимать, что диалектически мыслящие люди не будут массовым продуктом при таком, как сейчас, способе производства материальной жизни и соответствующем ему способе производства сознания.

Для проблемы коммунизма, нужно не просто зафиксировать направление перехода материальной жизни человека в сознание (что первично, а что вторично), но и выдвинуть идеи по практическому совершению этого перехода. И тут очень важны частные идеи на этот счёт. Важны идеи по формированию тех или иных эмпирических форм коммунизма, так как никогда всё материальное в одночасье не переходит в сознание, а всегда делает это в каких-то особенных формах. Важны, например, такие идеи, как у Макаренко: любовь - это обычное **дело**, которое нужно правильно организовать.

Какую бы огромную роль ни играл идеальный момент деятельности, речь всегда идёт о жизни и деятельности материального человека в материальном мире. Идеальное всегда является атрибутом материальной деятельности общественного человека и соответствует её движению. «Царство свободы», тотальный

коммунизм, характеризуется в том числе и сознательностью производства общественного сознания в общественном же масштабе.

Отдельные прорывы в сфере общественного сознания, выходящие за рамки капитализма, происходят уже сейчас. Речь о них (в том числе) шла во второй главе этой работы. Это производство идеального при создании современных технологий. Но дело не только в этом, не всякое идеальное относится к общественному сознанию. Это уже не просто идеальная деятельность в своей отчуждённости, которая носит надстроечный характер, и не замкнутое в рамках профессионального кренинизма идеальное. Это идеальный момент производства человеческой жизни вообще. И то, как именно эта жизнь производится, определяет то, (как и в случае с базами данных и со свободным ПО, имеет место один и тот же процесс) как создается новое непосредственное, неотчуждённое общественное сознание, пусть пока на локальных участках. Это такое сознание, которое производится не только и не столько самим фактом производства программы, сколько самим характером её производства и функционирования.

Общественное сознание может определять общественное сознание, только определяя общественное бытие. Причём последнее нельзя понимать, как нечто отдельное от целостного человека, как что-то идеальное вообще, а только как момент деятельности материального человека в материальном же мире. Дело заключается именно в сознательном производстве целостного человека - универсально действующего, чувствующего, думающего. Такая деятельность вне зависимости от того, что именно делается, будет выступать как осуществление коммунизма в непосредственно коллективной форме и будет деятельностью по производству свободы, целеполагания, чувственности, нравственности и мышления.

По большому счёту, это предполагает, что любая деятельность при коммунизме должна в том числе быть производством идей и идеала будущей жизни, производством человека.

Заключение

Только теперь, когда мы изложили в общих чертах основные моменты коммунизма и показали те ростки, из которых он может вырасти как общественный строй, мы считаем себя вправе перейти к дефинициям. В противном случае, они были бы мертвыми, лишенными смысла абстракциями, а не ответом на вынесенный в название вопрос «что такое коммунизм?».

Коммунизм (коммунистическое общество) - это свободная ассоциация людей, разумно творящих свою жизнь, сознательно полагающих свою собственную свободную деятельность.

Коммунизм - это непосредственно-коллективная форма свободной деятельности, как форма общества, творящего своё собственное развитие, ставшая тотальной.

Коммунизм - это, как говорили Маркс и Энгельс в «Манифесте», «ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».

Пришло время опять повторить несколько не устаревший лозунг:

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!